

УКРАИНСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ
КИЕВСКАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ

прот. Владимир Федоров

Православная миссиология на пороге третьего тысячелетия

© Сканирование и создание электронного варианта:
Библиотека Киевской Духовной Академии
(www.lib.kdais.kiev.ua)

Киев
2012

Православный исследовательский институт миссиологии

**Православная миссиология на пороге
третьего тысячелетия**

СБОРНИК ТЕКСТОВ ПО КУРСУ «МИССИОЛОГИЯ»

Составитель прот. Владимир Федоров

**Санкт-Петербург
Издательство «Апостольский город»
1999**

Что такое миссиология?

Как-то на одном из заседаний ученого Совета СПБДА в ходе защиты курсового сочинения разгорелась дискуссия: “чем отличается миссия от прозелитизма?” На первый взгляд, странно, что профессиональные богословы не имеют единого понимания этих принципиально важных для Церкви категорий. Однако если поразмышлять, это обстоятельство легко объяснимо. Миссиология пока еще не является обязательным для духовных школ предметом, нет нормативной программы, канона преподавания. В программу Санкт-Петербургской духовной семинарии, как и некоторых других, уже реформированных, семинарий, она введена с начала текущего учебного года. В большинстве же духовных школ миссиология как предмет отсутствует.

В Санкт-Петербургских духовных школах уже четыре года работает Отделение миссиологии, экуменизма и новых религиозных движений, но до сих пор оно существует в основном как исследовательская программа, а не как учебная структура. Наиболее значимым результатом работы этого Отделения явилась организация Православного института миссиологии и экуменизма (ПИМЭНа) - научно-исследовательского и издательского междисциплинарного центра, который опирается в своей деятельности на научные, педагогические и общественные круги Санкт-Петербурга. ПИМЭН привлекает к себе не только тех, кто осознал необходимость миссионерского служения и анализа миссионерских проблем, но и светских людей, которые в идее христианской миссии, миссии Церкви по-новому открыли для себя христианство, открыли для себя Церковь сначала как сокровищницу культуры, как духовный потенциал, а затем, по мере воцерковления, и как путь к Истине и Жизни.

В духовных школах советского периода богоборческой властью было запрещено выносить на обсуждение вопросы современного миссионерства, говорить о проблемах взаимоотношений Церкви и государства иначе чем в рамках официальной идеологии. Не было возможности открыто дискутировать на такие темы, как “Христианство и культура”. Но студенты не могли не спорить, не думать об этом, и, конечно, им очень не хватало мнения Церкви, церковных авторитетов. Изучая в курсе “История западных вероисповеданий” или в курсе “Сравнительное богословие” документы Второго Ватиканского собора, студенты, более других озабоченные будущим Церкви, понимали, что Церкви можно и даже необходимо реагировать на острые вопросы современности, помогать верующим найти церковный ответ, церковное разрешение возникающих проблем.

Уже давно назрела необходимость предмета, в котором миссионерская задача Церкви обсуждалась бы в контексте нашего времени, а не преподносилась только как благочестивое описание подвигов великих православных миссионеров (здесь следует заметить, что историческое описание подвигов и трудностей подвижников-миссионеров также можно связать с современной проблематикой, и эта глава будет очень важной в миссиологии). Многие сегодняшние проблемы требуют православного богословского осмысления. Поэтому миссиология как богословие миссии, как наука о миссии Церкви чрезвычайно актуальна.

Слава Богу, сегодня можно говорить не только о необходимости развития, но и о том, что православная миссиология уже начала складываться как богословская наука. Сюда можно отнести труды греческих богословов и пастырей, например митрополита Анастасия Янулатоса (ныне предстоятеля Албанской Православной Церкви), труды русских и американских православных парижской школы, таких как протопресвитер Александр Шмеман, протоиерей Иоанн Мейендорф и др., а также книгу Иакова Стамбулиса “Восточно-

православное богословие миссии сегодня”(1) . С 1995 г. под редакцией высокопреосв. архиепископа Белгородского и Старооскольского Иоанна выходит журнал “Миссионерское обозрение”, где наряду с историческими экскурсами регулярно публикуются проблемные статьи о новых религиозных движениях, материалы научных конференций. За последние годы Миссионерский отдел при Священном Синоде (2) провел три церковно-научные конференции по вопросам миссии. Подготовлены монографии по отдельным главам истории миссионерства Русской Православной Церкви (3) , есть диссертации (4) и студенческие работы. Примечательно, что многие статьи по истории миссии опубликованы не только в церковной, но и в светской научной литературе (5).

Даже краткое знакомство с историческими материалами, такими как труды святого Иннокентия и других миссионеров в Сибири, на Алтае, на Курилах и Аляске, в Японии и Китае, позволяет увидеть, что и наша Поместная Православная Церковь - Русская - имеет богатый, глубокий опыт, который следует внимательно изучать. Внимание к этому опыту, что, впрочем, неудивительно, проявляют и западные миссиологи (6) .

Миссиологию имеет смысл трактовать как достаточно широкую область богословского исследования, опирающуюся на исторические и богословские дисциплины, и прежде всего на экклезиологию.

В этот курс можно и, полагаю, нужно включить темы, которым не находилось места в традиционных богословских курсах и курсах контролируемой атеистическим государством духовной школы. Если же говорить о “старых” темах, то многие из них требуют принципиально нового подхода и дополнительного анализа в свете современной проблематики. Так, например, тема “старообрядчество” в курсе Истории Русской Церкви представлена как одна из исторических глав, содержащая оценку событий и положения старообрядчества с правовой и канонической точек зрения. Сегодня важно проанализировать феномен старообрядчества в свете богословия, психологии и социологии современных расколов: карловацкого, греческих старостильников и др. Невозможно проигнорировать эту тему, обсуждая религиозный фундаментализм, который, в свою очередь, должен привлекать особое внимание миссиолога (7).

Основной нерв православной миссиологии – стремление помочь верующим (поскольку они призваны к миссии) и неверующим услышать ответ Православной Церкви на вызов современности, на вызов мира. Для этого богословам и пастырям самим необходимо осознать этот ответ, найти его в Священном Писании и Священном Предании, причем сделать это на основании всего опыта Церкви.

Почему это принципиально важно для православной миссиологии? Потому что православное богословие немыслимо без опоры на Предание, на традицию, без исторической перспективы.

Естественно было бы сравнить программу православного курса Миссиологии с программами аналогичных католического, лютеранского, реформатского курсов, но это не первоочередная задача, поскольку системы богословского образования значительно отличаются друг от друга. В католическом и лютеранском богословском образовании многие из подлежащих рассмотрению миссиолога проблем включены в курс практического богословия (например темы, связанные с социологией религии). Да и само отсутствие тех или иных тем в программах западных богословских школ не является для нас утешением и основанием игнорировать их в своей системе образования. Так, например, на католических богословских факультетах проблемы сект и культов с миссионерской точки зрения начали изучать совсем недавно и это явный просчет. Прежде они затрагивались в курсе истории или сравнительного богословия, но этого недостаточно - необходим их комплексный и

междисциплинарный анализ (то есть и социологический, и психологический, и правовой, и экономический и т.п., а не только чисто догматическое опровержение).

Утверждение, что миссиология – это богословие миссии, верно, но ограничено, не исчерпывает сути предмета. В конце настоящей главы приводится вариант программы курса миссиологии для семинарий, являющихся высшими учебными заведениями. Эта программа отчасти объясняет, что же такое богословие миссии – миссиология. Однако и само понятие «миссия» требует комментария.

Что такое миссия?

Богословское осмысление понятия “миссия” зиждется не только на новозаветном понимании апостольского служения, не только на экзегезе слов Спасителя: "Идите и научите все народы..." (Мк. 16: 15). Уже в Ветхом Завете служение пророков (первый из них - Моисей) существенно для понимания того, что такое миссия Израиля, который был призван стать народом-ориентиром для всего человечества. Через него к участию в спасении призваны и другие народы. В богословии Ветхого Завета уже открыта сущность посланничества, миссии. Бог посылает Свое Слово исполнить на земле Его волю (Ис. 55: 11; Пс. 106: 20; 147: 4; Прем. 18: 14). Он посылает Свою Премудрость помогать человеку в его трудах (Прем. 9: 10); посылает Духа Своего обновить лицо земли (Пс. 103: 30) и возвестить Его волю людям (Прем. 9: 17). Таковы предвозвестия Нового Завета.

После величайшего из пророков Иоанна Крестителя Иисус Христос является перед людьми как Посланец Божий, и единственное желание Иисуса - исполнять "волю пославшего Его" (Ин. 4: 34), "делать дела Пославшего" (Ин. 9: 4). Миссия Иисуса продолжается посланничеством, миссией апостолов - учеников Спасителя, круг которых не ограничен непосредственными учениками и спутниками Иисуса. Апостол Павел услышал от Спасителя: "Иди, потому что Я пошлю тебя далеко к язычникам" (Деян. 22: 21). Все апостолы и вся Церковь призваны к миссии, выполняется же эта задача силой Святого Духа. Пятидесятница входит в христианский опыт и завершает откровение тайны Бога - Дух Святой входит в историю человечества так, что человек внутренне преображается, в нем восстанавливается подобие Божие.

Как далеко ушел от богословского понимания общеупотребительный смысл слова “миссия”, и каков его общепринятый смысл в современном русском языке? Согласно толковому словарю (8) основные значения следующие:

1. поручение, задание;
2. предназначение к чему-либо важному, высокому, ответственная роль кого- или чего-либо;
3. постоянное дипломатическое представительство;
4. представители одного государства, посылаемые в другое государство со специальной целью.

Лишь пятое значение в словаре имеет церковный смысл – миссионерская организация.

Таким образом, богословское, церковное понятие вошло в современный литературный язык со значением высокого служения. Мы, православные, глубоко убеждены, что Церковь в современном обществе, как и всегда прежде, на протяжении уже почти двух тысячелетий, имеет чрезвычайное миссионерское предназначение, которое не сводится только лишь к тому, чтобы способствовать обращению в христианство не христиан.

Христианская миссия вчера и сегодня.

Сегодня было бы недостаточно определить миссию так, как это делалось в православных книгах начала века. Возьмем традиционное определение: “миссия - проповедь

одного религиозного учения среди людей другой веры”(9) . Как правило, так понималось проповедническое служение среди языческих народов на территориях нашего расширявшегося и укреплявшего свои границы российского православного государства или же за его пределами. Предполагалось, что народ России - страны, где Церковь была тесно связана с государством, глубоко православный. Это предположение не всегда подтверждалось опытом. Сегодняшняя ситуация в еще большей степени обязывает углубить понимание “миссии”. Российское общество в значительной своей части остается безрелигиозным (10). Из зарубежной, внешней задача миссии превращается, таким образом, в задачу внутренней миссии.

Миссионерская проповедь - это не только и не столько проповедь с амвона, сколько проповедь вне храма словом и поступком, реализация подлинно христианского понимания насущных проблем: от хозяйственных и социальных до индивидуально-нравственных. Для кого-то такой подход может показаться новым, но мы встречаем его и у наших русских миссионеров-подвижников, и у зарубежных миссионеров в различных частях света. В деле миссии участвует не только проповедующий Евангелие священник. Как говорил архим. Макарий (Глухарев), который всем находил служение в миссионерском деле: “Если не можешь быть ловцом человеков, то лови рыбу для питания ловцов человеков”(11) .

По существу, если христианин остается самим собой и достойно живет по-христиански, он уже свидетельствует свою веру, доносит до окружающих свет евангельской проповеди. Добродетель всегда имеет и миссионерский эффект. Поэтому сегодня главная задача миссионера быть самим собой, быть христианином, быть подлинным свидетелем того, что христианское отношение к жизни помогает преодолевать кризисы и наполняет жизнь смыслом. Новое понимание миссии заключается не в том, чтобы вводить что-либо новое, никогда не бывшее в опыте Церкви, но в том, чтобы усвоить весь миссионерский опыт и уметь применять его в новых условиях. Это, разумеется, не исключает появления новых форм проповеди и нового языка благовествования.

Глобальная христианская миссия,
локальная и конфессиональная миссия.

Когда речь идет о миссионерском потенциале Православия, подразумеваются все аспекты миссии: 1) глобальная - общехристианская миссия, служение христианизации всего мира и человечества (христианизации культуры, общества); 2) локальная миссия - христианизация народа конкретной страны (в нашем случае России); 3) миссия строго конфессиональная - то, что принято называть свидетельством (в нашем случае - именно православная миссия).

Все упомянутые аспекты взаимосвязаны. Православное свидетельство (конфессиональная миссия) - это раскрытие ценностей своей традиции тем людям, объяснение ее тем христианам, кто не знаком с Православием или имеет о нем искаженное представление и руководствуется ложными стереотипами. Здесь возникает вопрос о необходимости диалога Православия с другими христианскими традициями (имеется в виду именно диалог традиций, а не церковно-дипломатический диалог). Важно осознавать открытый характер Православия, но к прозелитизму при этом относиться критически. Нельзя забывать, что повсеместно среди Церквей, ведущих богословский диалог, прозелитизм осуждается.

Миссия и прозелитизм

Прозелитизм – особая, многоаспектная тема. Один ее аспект - прозелитизм среди нехристианских религий, другой – прозелитизм среди язычников, третий - прозелитизм среди христиан других конфессий. Активное миссионерство можно представить себе и без

прозелитизма, хотя практически не легко бывает провести четкую границу между этими двумя понятиями. Притом, что многие христианские Церкви осудили прозелитизм, ограничить, устранить всякую возможность перехода христиан из одной традиции в другую, из одной деноминации в другую, невозможно. Это и нереально, и несправедливо (то есть было бы нарушением прав человека, противоречило бы принципу свободы совести).

Обвинения в прозелитизме можно услышать и от атеиста, поскольку в его сознании активное христианское миссионерское служение является нарушением принципа свободы совести, несоблюдением принципа отделения Церкви от государства и т.п. Сегодня даже в странах, где христианские Церкви достаточно сильны и уважаемы в обществе (в Германии например), не редки случаи выражения протеста против тех или иных церковных символов, обрядов и пр. в светских аудиториях (12). Эти случаи заставляют более внимательно отнестись к теме “миссия и прозелитизм” в современном обществе.

Любопытное мнение о прозелитизме было высказано одним православным автором в 1998 году в газете “Радонеж”. Положительно оценивая прозелитизм, он утверждал, что православные должны активно заниматься им, например среди католиков. Так одной из наших задач является, по мысли этого автора, устроение Православной Церкви в Риме. Не соглашаясь в принципе, привожу его мнение, чтобы показать, насколько плохо разработана у нас эта богословская проблематика, насколько противоречивы высказывания православных пастырей по данному вопросу.

Свежий и в то же время укорененный в святоотеческой традиции, глубокий подход к прозелитизму по отношению к нехристианским религиям мы встречаем у высокопреосвященнейшего Георгия (Ходра), митрополита Гор Ливанских: “...никакие поползновения с христианской стороны ни к чему не приведут, пока не будет устранена всякая конфессиональная гордыня, всякое чувство культурного превосходства. Смирение требует, чтобы мы усовершеншались во Христе через другого. Христианское общество, очищенное пламенем Духа, святое в Господе, нищее ради Господа, может дерзнуть, во всей евангельской незащищенности, брать и давать с одинаковой простотой. Для него речь идет о том, чтобы принять вызов как братскую укоризну и выявить, даже в неверии, мужественный отказ от фальши, которую не сумела или не захотела обличить христианская история. При таком подходе взаимопонимание станет возможно. Христос предстанет в своем уничижении, в своей исторической реальности, в своем слове. Тут меньше всего речь идет о том, чтобы присоединить всех к Церкви. Если люди увидят в ней Дом Отчий, то придут сами. Речь идет прежде всего о том, чтобы выявить христианские ценности в других религиях, чтобы показать, что Христос объединяет их все, продолжает их в своей любви. Истинная миссия выше миссионерской активности. Единственная наша задача состоит в том, чтобы искать путь Христов и в туманностях религий. Свидетельствующий среди нехристиан должен назвать того, кто будет признан ими Возлюбленным. Когда они станут друзьями Жениха, сделать это будет нетрудно. Вся миссионерская деятельность Церкви будет состоять в том, чтобы явить Христа, сокрытого в ночи религий. Одному Господу известно, смогут ли люди соединиться в истинной радости до явления Небесного Иерусалима. Одно мы знаем — знаменующийся на нас свет лица Его есть залог нашего конечного примирения”(13).

Хотя этот текст помещен в настоящем сборнике, не могу не процитировать его в контексте раздела о прозелитизме. Огромный интерес к Православию вспыхнул двадцать лет назад среди студентов-богословов Англии именно после того, как они прочли упомянутую статью. Творческий поиск в богословии всегда дает миссионерский эффект. Задача миссии прежде всего заключается в том, чтобы разрушить ложные стереотипы, преодолеть

предубеждения и антипатию, устранить вражду. Только после этого можно надеяться быть услышанными.

Анализ религиозной ситуации в стране и в мире как одна из первых задач миссиологии.

Романтические представления и реальная ситуация.

Оценка какого-либо опыта, каких-либо начинаний с точки зрения их миссионерской направленности, эффективности должна основываться на хорошем знании реальной ситуации, на трезвом представлении о религиозности общества, об ориентирах и ценностях массового сознания, на знании соответствующих умонастроений и тенденций. К сожалению, церковной науки, которая бы занималась этими вопросами, своего рода религиозной социологии пока нет. Если не пускаться в рассуждения об адекватности результатов тех или иных социологических исследований, но хотя бы принять их к сведению, сегодняшняя реальность не такая безоблачная, какой кажется с первого взгляда, и, во всяком случае, к триумфализму не располагает. Православными иерархами и светскими авторами часто дается следующая оценка религиозной ситуации: в России 80% верующих, 80% которых - православные. Иногда мы встречаем более скромные оценки: всего 50% верующих, половина - православные. Но, если мы посмотрим вокруг себя повнимательнее и искренне ответим на вопрос о количестве верующих, придется назвать другие цифры. В Санкт-Петербурге в приходе, где мне довелось служить последние годы, каждое воскресенье храм переполнен. Это создает ощущение всенародной церковности. Но если задуматься, храм вмещает 400-500 верующих, а живет в округе примерно 600 тысяч человек. Даже пасхальное богослужение посещает менее 3% жителей Санкт-Петербурга (для пятимиллионного города 3% - это 150 тысяч человек). Достаточно ли 100 существующих храмов для того, чтобы принять 150 тысяч верующих? Даже если в большие соборы войдет 50 тысяч человек, оставшиеся не смогут поместиться в маленьких храмах. Дело, однако, не в этих цифрах. Гораздо важнее знать, что волнует умы и сердца людей, пришедших на Пасху в храм. Также очень важно понять, почему остальные считающие себя православными (во всяком случае, заявляющие о себе так в ответ на вопрос социологической анкеты) не испытывают потребности прийти в храм даже на Пасху. Достаточно ли считать показателем религиозности факт принятия крещения в детстве? При этом следует учитывать, что очень многие из ныне живущих наших сограждан по понятным причинам в детстве крещены не были.

При внимательном отношении к действительности триумфализм ослабевает, уступая место трезвым, взвешенным оценкам. После непродолжительного периода псевдодемократической эйфории (“псевдо” в том смысле, что до подлинной демократии мы еще не доросли), после, казалось бы, периода относительного благоприятствования для Церкви как в политической жизни, так и в средствах массовой информации, наступил другой, принципиально новый период. Действительно, атеизм перестал быть государственной нормой, марксизм изъят из программ учебных заведений, но курсы атеизма как курсы истории “свободомыслия” продолжают пользоваться доверием в государственных ВУЗах. Бывшие специалисты по атеизму, которые сегодня преобладают в религиоведении, лишь безрелигиозный подход к преподаванию религии считают объективным. Не вызывают удивления газетные статьи, написанные с явным непониманием Церкви и с неприязнью к ней. Известный писатель, говоря о своей позиции агностика, выказывает откровенное пренебрежение к религии и религиозным людям. В школе на уроке истории выясняется, что из тридцати учеников лишь двое убеждены в историчности Иисуса Христа. Известная актриса или политический деятель говорят о том, что личный опыт общения с духовенством

пресекли их поиски пути к Церкви. В таких ситуациях можно возлагать вину на самих людей, так и не пришедших в Церковь, но нельзя оставлять все это без внимания, подобные мнения должны стать пищей для размышлений миссиологов.

Первые восторги, связанные с провозглашением свободы вероисповедания, прошли, и мы обнаружили, что живем в обществе, которое нельзя назвать материалистическим. Оказалось, что многие люди суеверны и подвержены самым экзотическим влияниям. Гадалки и знахари, сайентологи и неведомые гуру, астрологи и рыцари “эргамических орденов” без труда находят себе последователей среди вполне православного по своим корням населения России. Все это требует осмысления и крайне важно для миссиолога, а строго говоря, для каждого пастыря и богослова. На этом фоне, по меньшей мере, странной выглядит тенденция ряда нынешних православных (причем не только мирян без богословского образования) рассуждать и оценивать, какой из нынешних проповедников, пастырей и миссионеров более православный, какой менее и что такое православная каноническая территория.

Получить представление о религиозной ориентации молодых людей в России мы можем на основании данных Центра социологических исследований МГУ и Центра по изучению межнациональных отношений Института этнологии и антропологии РАН. В марте 1997 года ими совместно проводилось социологическое исследование, в ходе которого было опрошено около 4 тысяч человек, распределенных по трем возрастным группам: 17 лет (1100 человек), 24 года (1400 человек) и 31 год (1400 человек) (14).

В анкету входил блок вопросов об отношении молодежи к религии. Определялись уровень и характер религиозности, вероисповедная принадлежность, значимость веры для личности, развитие знаний о религии, содержание религиозного сознания и поведения (посещение церкви, чтение молитв), религиозная мотивация социального поведения, в частности отношение к церковному браку.

Проведенный опрос показал, что мировоззрение молодежи эклектично, поверхностно и неустойчиво, ее религиозность скорее потенциальна и носит конформистский характер; для молодых характерно желание быть как все, называться верующими, православными, соответствовать распространяемому в обществе стереотипу духовности, отмечать церковные праздники, венчаться, крестить детей. Эти данные не дают оснований считать, что молодые люди всерьез намереваются приобщаться к вере и Церкви. Вместе с тем очевидно, что в молодежной среде предрасположенность к религии преобладает над прежней установкой на атеизм, а значит, молодое поколение, вступающее во взрослую жизнь на пороге XXI века, окажется более восприимчивым и лояльным к религии. Согласно результатам опроса наблюдается некоторое возрастание интереса к религии среди юных — 17-летних, по сравнению с молодежью более зрелого возраста, причем уровень религиозности 24-летних и 31-летних одинаков. Среди 17-летних верующими себя признали больше половины опрошенных (52%), а среди 24-летних и 31-летних верующих оказалось меньше почти на 10% — по 43-44% в каждой возрастной группе. Православные составляют: 42% среди 17-летних юношей и девушек и по 36% среди 24- и 31-летних. Процентный рост приверженцев православной веры происходит в результате прихода к православию 17-летних юношей при сохранении неизменного, хотя и более высокого, процента православных девушек и женщин.

Религиозную ситуацию в таких традиционно православных странах, как Греция, насколько мне известно, также нельзя назвать вполне удовлетворительной. Процессы секуляризации — общая болезнь христианского мира, затронувшая не только страны, испытывавшие волны атеистических гонений.

На фоне сказанного важно отметить некоторые статистические показатели активности Русской Православной Церкви.

На сегодняшний день Русская Православная Церковь имеет 127 епархий и насчитывает 151 архиерея, не считая 8 заштатных. Количество приходов Русской Православной Церкви составляет более 19 000; на этих приходах служат около 17 500 священников, около 2 300 диаконов, всего - около 19 700 священнослужителей. Количество монастырей достигло 478, не считая 87 монастырских подворий. При этом на территории России находится 299 монастырей, из них: 151 мужской и 148 женских, а также 74 монастырских подворья. Увеличилось количество Духовных школ, среди которых: 5 Духовных академий, 26 Духовных семинарий, 29 Духовных училищ, 1 Богословский институт, 2 Православных университета, 13 подготовительных пастырских курсов, 2 Епархиальных женских Духовных училища, 28 Иконописных школ. Кроме того, имеются регентские отделения и курсы, а также множество церковно-приходских школ. При храме Богоявления Господня б. Богоявленского монастыря г. Москвы в этом году открылась регентско-певческая семинария (15).

В этих статистических данных прежде всего обращает на себя внимание тот факт, что до сих пор количество приходов значительно превышает количество священников (на 1500). Если учесть старых, больных и тех священников, которых следует заменить уже сегодня, это число заметно возрастет.

Второй важный момент – возросшее количество духовных учебных заведений. Сам по себе этот весьма отрадный факт заставляет задуматься о профессорско-преподавательских кадрах, подготовка которых, увы, давно уже не является приоритетным делом нашей Церкви, хотя и должна была бы быть таковым. Предпринятая в последние два года Учебным комитетом при Священном Синоде реформа семинарского и академического образования решает эту проблему лишь отчасти. Подготовка достойных и квалифицированных педагогических и научно-богословских кадров требует особой миссионерской стратегии. Любая ошибка в подготовке профессорско-преподавательского состава умножается на количество школ и студентов в них.

Анализ состояния православного богословского образования в сегодняшней России как особая тема миссиологии

В анализе современного состояния религиозности общества, состояния церковной жизни, церковной проповеди, а также в анализе восприятия Церкви обществом важнейшим показателем изменения этой ситуации к лучшему следует считать богословское образование. Имеет смысл широко понимать богословское образование. Прежде всего, это подготовка священнослужителей в духовных семинариях, академиях, на богословских факультетах. Кроме того, это также и подготовка верующих мирян к церковному служению как в церковных, так и в светских структурах (например в качестве преподавателей религиозных предметов в различных учебных заведениях, в качестве церковных журналистов, работников библиотек, музеев, издательств и т. п.). Богословское образование – это также церковно-богословская наука и усвоение ее плодов, которые становятся доступными не только отдельным людям, но и широким слоям населения. Понятие “богословское образование” неотделимо от понятия “христианское просвещение”. Задача богословского образования, по мнению христианского богослова, – это и содействие тому, чтобы общество постепенно возвращалось к христианским ценностям, даже если это общество поликонфессиональное, мультирелигиозное и даже в значительной степени атеистически настроенное. В задачу богословского образования входит и способствование разрушению ложных стереотипов и атеистических установок, распространившихся в массовом сознании еще до господства

большевистской идеологии. Поэтому тема “богословское образование” – это не только чисто богословская, но и очень широкая социо-культурологическая тема, включающая, среди прочих, вопросы религиозного воспитания и преподавания предметов, связанных с религией, в самых различных образовательных светских учреждениях. Она также охватывает вопросы издательской политики в обществе и вопрос присутствия религиозной проблематики в средствах массовой информации.

В православии критерием того, что образование является богословским, служит его церковность, его укорененность в Откровении Божиим, его верность Священному Писанию и Священному Преданию. Эта верность выражается не в молчаливом пиетете перед священными категориями, но проявляется воплощением в жизнь тех нравственных ценностей, тех идеалов, которые заповеданы нам нашим Господом и Спасителем. Церковную проповедь, христианскую миссию, православную евангелизацию невозможно представить вне контекста Священного Предания. Основная задача православного богословского образования сегодня (и, может быть, в большей степени, чем когда-либо) заключается в том, чтобы раскрыть в полной мере людям верующим и неверующим (тем, кто ищет истину, смысл жизни) значение Божественного Откровения, Священного Предания, смысл Церкви. Это главная задача православной миссии сегодня.

Духовные школы или университеты?

Основные структуры богословского образования в Русской Православной Церкви - это духовные семинарии и академии. К ним в последнее время прибавились духовные училища, различные курсы, воскресные школы и даже богословские институты. Традиционная модель богословского образования - духовная школа в монастыре или в закрытом церковном учебном заведении. В ряде Православных Церквей имеются и традиционные для Западной Европы богословские факультеты в государственных университетах.

С миссионерской точки зрения, в России давно назрела необходимость богословских факультетов в светских ВУЗах. Во-первых, важно добиться того, чтобы массовое сознание признало богословие одной из наук, одной из необходимых областей знания (16). Во-вторых, будущие священники и богословы не должны быть изолированы от мира, от забот светской науки, от социально-политических проблем. Богословие не должно быть для нецерковного человека экзотикой, чем-то из мира “космических пришельцев”. Оно должно стать реальностью, пребывающей рядом с этим человеком и просто пока, по тем или иным причинам, ему недоступной, неведомой. Для этого соседство богословского факультета с естественнонаучными и гуманитарными факультетами чрезвычайно полезно.

Здесь неизбежны возражения (они есть и у католических, и у лютеранских профессоров-богословов западных университетов) и опасения, что столь близкое соседство повредит церковному благочестию, разрушит традиционную для духовных школ систему воспитания. По-видимому, единственно верный путь - это путь не реформ, но эксперимента, творческих поисков миссионерски эффективных форм богословского образования.

В качестве такой экспериментальной структуры можно назвать Православный Свято-Тихоновский Богословский институт в Москве. Другой пример - Русский Христианский гуманитарный институт в Санкт-Петербурге, учрежденный Санкт-Петербургской духовной академией вместе с научными институтами Российской Академии наук и Российской Академией образования. Оценка их опыта не зависит от количества студентов и от степени известности вуза. Важно определить перспективы и миссионерскую полезность той или иной модели богословского образования.

Задача богословского образования состоит также в том, чтобы раскрыть подлинный смысл понятий: Традиция и Священное Предание, помочь понять, что такое консерватизм и

либерализм с православной точки зрения, ответить на вопросы: возможны ли реформы в церковной жизни и что такое обновление. Таким образом, снова приходится подчеркнуть необходимость миссиологической компоненты богословского образования и даже миссиологическую его направленность. Это становится очевидным, когда мы осознаем, что Церковь пребывает в изменяющемся мире.

Церковь и изменяющийся мир

(Традиция и обновление церковной жизни личности, церковной общины и общества в целом)

Изменения в церковной жизни прежде всего связаны с изменениями в обществе, которое живет, развивается или деградирует, творческие силы которого то здесь, то там пробуждаются или угасают. При разрешении проблем, поставленных международной политикой, национальными конфликтами, экономическими кризисами, межрелигиозными и межконфессиональными напряжениями, вооруженными конфликтами и вообще применением силы для достижения справедливости требуется церковное, христианское участие. Ответы на возникающие вопросы должны быть основаны на церковной традиции, фундаментом которой является Откровение, но каждый такой ответ – это творчество, это ответ в конкретной ситуации, ответ, опирающийся на весь опыт Церкви, включающий и самый последний по времени.

Творчество как необходимое условия выхода из кризиса

Уже в начале XX в. в Русской Православной Церкви назрела необходимость перемен, которые обсуждались на Поместном Соборе 1917-18 гг. После февраля 1917 г. возникло особенно много вопросов к Церкви, одним из которых был вопрос о церковном видении социально-политического устройства России. Он стал еще более острым после октября 1917 г. Политическая ситуация не способствовала творческому процессу выработки общецерковного ответа, проблемы остались нерешенными, и после Собора к ним добавились новые.

Социально-политические изменения последнего десятилетия также ставят перед Церковью кардинальные вопросы. Сегодняшняя либерализация способствовала возрождению религиозной жизни в России, но не избавила от кризиса и лишь умножила критические факторы.

Еще в 1909 г. замечательный православный мыслитель священник Павел Флоренский говорил: “Как ни медленно движется культурная (не политическая) история, все же православие близко к какому-то рубежу, где оно должно или совсем разложиться или, изменившись, возродиться. Мы говорим «изменившись», потому что православие своим бытом тесно связано с жизнью, а жизнь меняется и ломает этот быт, ломая и православие. С другой стороны, православие крепко и внутренне связано даже с политической историей — через самодержавие. Вера в царское самодержавие, мистическое к нему отношение — это один из непременных элементов православия, и поэтому изменения в способах управления страной наносят православию новый удар...” (17). Вопрос о соотношении Православия и социально-политического устройства (в частности монархии) – вопрос миссиологии. Тема “Церковь и государство” – безусловно миссиологическая тема, она не обсуждается в традиционных дисциплинах богословского образования (лишь отчасти в курсе истории Русской Церкви или в курсе Византологии).

Сегодня многие политики соблазняются намерением опереться на Церковь, на пробудившийся у многих людей интерес и доверие к ней. Но степень участия Церкви в политической жизни – вопрос сложный, он требует основательного обсуждения с миссиологической точки зрения, его также следует рассмотреть в курсе миссиологии.

Церковное творчество как ответ Церкви на вызов мира.

Творчество как сотрудничество Богу.

Возможно ли говорить о православном творчестве?

В декабре 1996 г. в СПбДА проходила юбилейная богословская конференция. После доклада “Христианское единство и православная миссия” у одного из сидевших в Президиуме архипастырей возник недоуменный вопрос: “Что это за понятие такое - творчество? Разве оно есть в православной догматике?” Примерно половина сидящих в зале оживленно поддержала вопрос аплодисментами. Ситуация очень характерная, сегодня слово “творчество” смущает многих православных. Любопытно, однако, что в докладе оно было произнесено, когда цитировался текст Постановления архиерейского собора 1994 г. “О миссии”.

Первым о православном творчестве заговорил не Н.А.Бердяев, как полагают многие (его работа “Смысл творчества” достаточно хорошо известна). Православное понимание категории “творчество” укоренено в святоотеческой традиции. Девизом творческого отношения к действительности православному человеку могут служить слова св. Игнатия Богоносца, обращенные им в начале II в. к св. Поликарпу Смирнскому: “Вникай в обстоятельства времени”(18) . В истории православия достаточно много творческих личностей, которые на вызов окружающего мира, на требования времени давали свой личный, основанный на учении Церкви и укорененный в ее Предании ответ. Так, например, архимандрит Феодор (Бухарев, 1822-1871) развил и драматически воплотил в своем жизненном подвиге “идею внутренней теократии, т.е. преображения силой и духом Православия всей современной нам культуры”(19) . Когда появилась его книга “О Православии в отношении к современности”(20) , где в каждой из четырех статей автор ставит вопрос: “В самом ли Православии и в самой ли современности заключается причина несовместимости их?”, известный “борец за Православие” мирянин, поверхностный богослов, редактор журнала “Домашняя беседа” В.И. Аскоченский поднял шум, выставил архимандрита Феодора разрушителем Православия и Церкви. От Аскоченского доставалось многим: Пирогову, Буслаеву, Костомарову, Пушкину, Гончарову и др., за то, что они, по мнению критика, были не достаточно православными. На утверждение архим. Феодора о том, что человек создан по образу Божию, Аскоченский разражался недоумевающими воплями: “Как? Стало быть, и цыганки, и проститутки, и жида, и канканьерши - все это досточтимые иконы самого Бога? Господи помилуй!” (21) Фундаменталистам (о фундаментализме речь пойдет ниже) всех времен близко видение Православия пребывающим в полной и непримиримой враждебности к современности. Современность в этом понимании представляется погруженною целиком во зло, соединением всех греховных мерзостей сынов века сего: неверия, материализма, разврата, эгоизма и т.д.

Православное творчество, напротив, предполагает внимательное отношение к “секулярной”, светской культуре, которая с религиозной точки зрения никак не может быть безразличной и тем более враждебной православному человеку. Такое понимание свойственно православному религиозно-философскому возрождению XX в. Нет необходимости ссылаться на всем известную классику русской философско-богословской мысли. Достаточно процитировать лишь одну из многих статей этого направления из журнала “Путь”, который выходил в Париже с 1925 по 1940 гг.: “Хотя религиозное творчество, цель которого есть стяжание Духа Божия, обязательно и доступно каждому, самый прямой путь этого творчества, путь исключительно внутреннего делания, путь непрерывной молитвы и аскезы, путь иноческий не может быть путем всякого. Для большинства, несмотря на то, что без молитвы и некоторой аскезы невозможно преуспеть ни

в чем ценном, высшее духовное творчество может выявиться через творчество как бы посредственное, через реализацию частных ценностей, через творчество культурное, в отношении высшего, как бы прикладное”(22) .

Основная претензия противников категории “творчество” - тезис о неизменяемости чего-либо в Православии. Но изучение Предания, история Церкви свидетельствуют о постоянном творчестве в Церкви - этом Богочеловеческом организме. Молитва – это тоже творчество, если она исходит из сердца, молитва допускает и предполагает импровизацию, молитва – это не только устоявшиеся веками богослужебные последования, которые, кстати говоря, по необходимости и с благословения священноначалия также допускают вставки и корректуры.

Консерватизм, традиционализм и верность Преданию

Очень часто люди нецерковные объясняют свою антипатию к Православной Церкви тем, что она, на их взгляд, слишком консервативна. Здесь сказывается поверхностное, неглубокое и, во всяком случае, небогословское понимание таких слов, как консерватизм и традиция. С другой стороны, неверное представление о своей традиции имеют и некоторые православные, полагающие, что в консерватизме заключается суть православия. Суть православия, хотя это и нельзя сформулировать в двух словах, в верности Господу и Его Церкви – Телу Христову. Действительно, стремление помочь людям постичь Откровение Божие и желание сохранить неповрежденным Священное Предание взаимосвязаны. Но выполнение церковной, благочестивой задачи сохранить и передать без искажений не должно приводить к буквальному восприятию священного текста и церковного наследия, не должно вести к абсолютизации или (как порой можно встретить) идеологизации принципа консерватизма, когда он становится слепым приемом, бездуховным механическим стилем жизни, напоминающим скорее талмудизм (23) , чем новозаветную жизнь. В бытовом сознании слово “консервативный” означает “отстаивающий неизменность чего-нибудь (политического строя, быта), противящийся каким-либо нововведениям”(24) . Люди светские, как правило, понимают под консерватизмом упрямое цепляние за старые нормы, внешние формы, неспособность реагировать на изменившуюся ситуацию. Люди церковные часто воспринимают это понятие положительно, поскольку полагают, что им обозначается верность традиции, отрицание обновления и реформации, оппозиция “либерализму”. Однако устойчивость в традиции, доверие к ней, верность и преданность учению Церкви – это все же не консерватизм. Имеет смысл обозначать так подозрительность ко всему новому и творческому, отрицание возможности каких-либо изменений, соблазн выбирать всегда привычное. Верность Преданию Церкви лучше называть не консерватизмом, но церковностью, допускающей творческие нововведения, основания для которых она ищет в Священном Предании.

Встречаются и недоразумения. Бытовые и национально-культурные элементы идентифицируются порой с церковными или даже догматическими. Существенная и принципиальная верность традиции сводится к верности букве. Тем не менее сохранить Предание можно только передав его следующим поколениям как живое Предание. В Православии важен не консерватизм, не принцип ради самого принципа, не консервирование (искусственное сохранение с потерей природных свойств), а верность Церкви, верность своему исповеданию, глубокое убеждение, что в религиозном опыте, в таинствах церковных происходит встреча с Откровением Божиим, критерием подлинности которой служат Священное Писание и Священное Предание. Эта верность не являет собой замену подлинного религиозного опыта суррогатами или внешними формами. Это не торжество

магизма, когда внешний элемент в отрыве от Церкви, от личной молитвы, от действия Духа Божия воспринимается как священнодействие, сакрализуется. Верность Преданию не то же самое, что верность букве текста, как это было, например, при переписывании еврейских текстов Священного Писания, когда даже исправление ошибки обязывало переписчика переделать лист, благочестиво уничтожив лист исправленный. Мы хорошо знаем, что литургические тексты имеют двухтысячелетнюю историю и до сегодняшнего дня дополняются и исправляются в случае необходимости. Упрямство и противостояние новой редакции не всегда (как показывает история старообрядчества) являются голосом Церкви. Заметим при этом, что репрессивные меры против апологетов неправленной редакции православное сердце также осуждает. Вопрос о том, что такое послушание Церкви, остается очень острым.

Бывает и так, что защита настоящей, богатой традиции Церкви заменяется отстаиванием лишь данному человеку известной, довольно молодой региональной традиции, доставшейся ему в наследство и воспринимаемой им в качестве единственно церковной. Любовь и преданность традиции, может быть, не имеет смысла обозначать и словом традиционализм, поскольку многие под этим понимают лишь формальное уважение к традиции, но не любовь и не знание ее. Очень важно в богословском образовании показать, как легко можно оступиться и из охраняющего Предание, из передающего его следующему поколению невольно стать предающим его.

Именно такого рода опасность подстерегает тех, кому повсюду мерещится ересь “обновленчества” и “необновленчества”.

Борьба с понятием “обновление” – подмена духа Православия духом фарисейства, книжничества и талмудизма

Нет смысла останавливаться на хорошо нам известных новозаветных наставлениях: “служить Богу в обновлении духа” (Рим. 7: 6), преобразовываться “обновлением ума” нашего (Рим. 12: 2). “Обновление Святым Духом” (Тит. 3: 5) – одно из важнейших христианских богословских понятий. “Если внешний наш человек тлеет, то внутренний со дня на день обновляется” (2 Кор. 4: 16). В этом сущность нравственной жизни христианина, а значит и христианской общины. Это обновление Святым Духом не может не проявиться внешним образом; путь к нему всегда лежит через аскетику, через внутренний и внешний подвиг. То же самое следует сказать и об обновлении церковной жизни, жизни общины.

Совсем не нужно бояться слова “обновление”, избегать богословско-аскетического понятия “обновление”. Печальна церковная история 20-30-х годов нашего века в России, но факт обновленческого раскола, его опасность не дают нам права забывать о необходимости обновления личности и Церкви. Именно обновление позволяет предотвратить реформуацию. Слово “реформа”, хотя и напоминает нам об опасности реформации, все же допустимо в церковном лексиконе. Например, мы говорим сегодня о реформе семинарского богословского образования.

“Церковь растет органически в высшем смысле этого слова. Новое не отменяет, не уничтожает старое, но утверждает и раскрывает его. Таков истинный рост в отличие от простого бывания. Следовательно, старое Церкви не исчезает в потоке нового, не затопляется им, но неотменно охраняется властью; и новое не топчется в чуть пробивающихся ростках старым, но подымается, питаемое свободой” (25). Эти слова свящ. Павла Флоренского, написанные им 90 лет назад, когда он был студентом духовной академии, остаются пока не прочитанными теми, кто не осознает всей глубины понимания Церкви как Тела Христова, как Богочеловеческого организма.

Любопытно сегодня, в преддверии двадцать первого века, познакомиться с тем, как Русская Православная Церковь встречала двадцатый век. Ровно сто лет назад протоиерей Иоанн Восторгов (любимый и в наших охранительно-оградительных православных кругах) в проповеди на 1899 год говорил:

“Едва ли мы ошибемся, если назовем именно наше время ищущим... обновления. На пороге XX-го столетия наш отходящий в историю век стоит с многими вопросами, со многими язвами, требующими разрешения и врачевания... не наше ли время характеризуется особым разливом преступлений, иногда каких-то диких и необъяснимых, падением основ жизни семейной, общественной, государственной? ...и вместе с тем, не в наше ли время наблюдаются отчаянные поиски за смыслом жизни, свидетельствующие о том, что старые позитивные и материалистические воззрения принесли их последователям тяжелые разочарования и не дали человеку ни радости, ни покоя? ... В христианстве почерпнуло силы обновления и возрождения древнее человечество: в христианстве найдет оно их и теперь...” (25)

Говоря о православии, в России часто цитируют слова св. Феофана Затворника: “Прибавлениями, изменениями, развитием могут хвалиться другие общества христианские, отпадшие от единения с истинною Церковью Божиею”(26). Однако всегда ли правильно понимают эти слова, и понимаем ли мы их в духе самого Святителя? Очевидно, что речь в них идет только о вероучении, поскольку многое изменяется в церковной жизни. Богослужение приняло сегодняшней вид не в апостольский век. Сегодняшнее богослужение значительно отличается по элементам и по музыке от того, которое совершалось тысячу лет назад. Красочные церковные облачения восходят к Византии, но черный траурный цвет священнических и монашеских ряс - явление довольно позднее. Неслучайно возник спор о троеперстии, ибо изменения постоянно входили в жизнь. Святитель Феофан Затворник, обличая раскольников-старообрядцев, показывает, что, отстаивая древнее благочестие, по существу они защищали изменения столетней давности (27).

Реальность такова, что меняется и стареет не только человек, но и любая форма социального устройства, политический режим, экономика. Внешние изменения всегда требуют новых усилий, новых творческих инициатив, новых подвигов и новых мудрых поступков, то есть нового, понятного миру языка. Принципиально новый этап развития человеческой цивилизации, как бы мы к ней ни относились, обязывает нас по-новому оценивать взаимоотношения Церкви и мира. Сегодня стираются и появляются политические границы, мир стал чрезвычайно маленьким и в географическом, и в информационном плане. Прежние правовые критерии и критерии здравого смысла перестают быть убедительными и общепринятыми. Двухтысячелетний опыт существования православия в тоталитарных структурах обогащается новыми формами социально-политической жизни. Трудно вообразить возвращение монархического строя в России, но это отнюдь не значит, что у России нет православного будущего. Сегодня православие не просто существует в Западной Европе и в Америке, но успешно там развивается, обретает новые формы церковного устройства, не всегда совпадающие с организационными структурами древней Церкви. Как свидетельство Истины православие не может быть жестко связано с относительными, чисто человеческими, земными формами социально-политической жизни. Оно призвано всегда и повсюду быть основой для становления нового человека. Мы порой забываем слова Сидящего на престоле из книги Откровения: “Се творю все новое” (21: 5). В этих словах раскрывается не только смысл перехода от Ветхого Завета к Новому. Мы слышим в них об обновлении в покаянии, том обновлении, о котором говорит православная святоотеческая

аскетика. Обновление это касается не только отдельного индивида, но и всего человеческого начала в

Богочеловеческом организме Церкви.

Обновление и реформа богословского образования

как миссионерская задача

В самом начале нашего века известный богослов, проф. Московской духовной академии С.С. Глаголев начинал свой курс введения в богословие (28) лекцией “Задачи русской богословской школы”. Он утверждал тогда: “1) ни в одно высшее учебное заведение земного шара не поступают студенты с лучшею подготовкою..., чем в русские духовные академии, и 2) ни в одну высшую школу не поступают с такою неохотою, как в наши академии...”.

За прошедшее столетие ситуация в корне изменилась. Но то, что далее говорит дореволюционный профессор относительно престижа в обществе, пожалуй, актуально и сегодня: “Все, что говорят о гниющем Западе... представляет совершенный вздор. На Западе студенты-теологи есть вообще то же самое, что и всякие студенты; в России студенты духовной академии и студенты инженерного института котируются совершенно по-разному на общественной бирже. И это не потому, что эти школы рисуют различные материальные перспективы: академия – гроши, институт – тысячи, нет, не потому только...” Сегодня материально проигрывают инженеры, но что касается престижа, то не только в светском обществе, а и в обществе церковном богослов его не имеет. Приходской священник – желанное служение для семинариста, профессор духовной академии – отнюдь. Поэтому в Русской Православной Церкви мы едва ли насчитаем два десятка профессоров, что катастрофически мало с учетом сегодняшних миссионерских задач. Желających принять священный сан достаточно, а желающих принять на себя крест служения церковной науке чрезвычайно мало. На сложившуюся ситуацию повлиять можно, именно в этом и заключается одна из миссионерских задач обновления церковного образования.

Но самое главное, к чему призывал дореволюционный профессор, это познавать в духовной школе истину и осуществлять ее в жизни. “Как-то случилось, - отмечает он, - что на самом деле великие задачи выяснить истину и воплотить ее в жизни отодвинулись, их заменило ленивое и лукавое убеждение, что истина познана и осуществлена. Катихизис митрополита Филарета и “Догматическое богословие” митрополита Макария были признаны книгами, из которых нельзя ничего убавить и к которым нельзя ничего прибавить. Учение о творении в шесть дней, учение о мытарствах и многие учения и просто сказания были догматизированы. Выработавшийся историческими условиями церковный строй был канонизирован. Временные и случайные социальные отношения стали рассматриваться как выражение Божественного миропорядка” (29).

Трудно не согласиться с авторитетным православным профессором, который не смущается указать на слабости в преподавании богословских наук, да и в деле воспитания. Парадоксально, но только на первый взгляд, звучит следующее его утверждение: “религиозность и вера в наших духовных школах значительно понизилась в последние двадцать лет (имеется в виду конец XIX в. - В.Ф.), а именно в эти двадцать лет установлен ряд искусственных мер для повышения религиозности”. Глаголев считает, что школа не должна питать никаких иллюзий относительно возможности сделать из своих питомцев праведников. “...Можно только с уверенностью сказать, что, раз такие иллюзии исчезнут, питомцы несомненно станут лучше и праведнее. Дело школы – наука”.

Но не только в стиле и духе преподавания видна необходимость изменений. Очевидна потребность во введении новых предметов, потребность в реформе всей системы богословского образования в РПЦ. В частности, давно назрела необходимость повысить

уровень образования в семинариях и сделать их высшей школой. Безусловно, этот шаг миссионерски оправдан. Программа реформы принята Священным Синодом. Первый класс Санкт-Петербургской семинарии учится в 1998/99 учебном году уже по новой программе, по программе высшей школы.

Если мы заглянем в программы семинарий прошлого века, то, в дополнение к богословским предметам, обнаружим там курсы по основам медицинских знаний и даже по пчеловодству. Введение в сегодняшние программы таких предметов, как миссиология, психология, христианская культурология естественно и не удивительно. Наверное, нужны в семинарии и основы политологии, и основы финансово-экономических, а также юридических знаний.

Богословские школы как миссионерские центры

Миссионерский акцент в богословском образовании – это один из аспектов необходимого сегодня обновления духовных школ. Примером такого обновления может служить инициатива Свято-Тихоновского богословского института по организации миссионерских поездок с участием преподавателей и студентов. Опыт этих поездок был положительно отмечен Святейшим Патриархом Алексием II в ежегодном слове на Епархиальном собрании в декабре 1998 г.: “Следует всемерно распространить чрезвычайно ценный опыт миссионерских молодежных поездок. За последние 2-3 года священники-преподаватели и студенты Института совершили более 10-ти таких путешествий, в том числе в Якутскую, Архангельскую, Екатеринбургскую, Псковскую, Тверскую епархии... такие поездки – лучшая школа для церковной молодежи, для будущих пастырей и всех желающих потрудиться на благо Церкви Христовой... Такая миссионерская деятельность должна быть развернута и в центральных городах, где по-прежнему не хватает церковной активности в детских домах, домах престарелых, в больницах, в тюрьмах, в работе по реабилитации наркоманов и алкоголиков, в благотворительных столовых для бедных, в армии.”

Духовные академии и богословские институты как центры церковной науки

Богословское образование можно и нужно рассматривать не только как элемент системы самосохранения Церкви (подготовка священнослужителей и, что еще важнее, епископата). Структуры богословского образования, духовные школы - это практически единственное место, где есть почва для взращивания ростков церковно-исторической и богословской науки. Именно в духовных академиях и богословских институтах можно надеяться услышать ответ Церкви на вызовы окружающего мира. Социальные, экономические, политические, экологические, национальные, культурные и прочие проблемы - это вызовы христианам. Мы несем ответственность за Творение Божие не только потому, что являемся наследниками Адама, но и потому, что мы ученики Спасителя, Воплотившегося ради спасения всего мира.

Если богословская наука не развивается, то, по существу, учить студентов богословию невозможно. Высшая школа должна быть школой науки, творческой лабораторией. Сегодня очевидно, что православное духовенство должно иметь хорошее высшее образование. Богословское образование предполагает знакомство с самой богословской наукой, а не только с ее выводами. Познакомить с наукой можно, если она существует, живет. Следует отчетливо понимать, что развитие богословской науки совсем не то же самое, что развитие догматического учения. Но, к сожалению, часто бывает так, что устойчивое мнение относительно невозможности развития догматического учения переносится и на богословскую науку в целом.

Вспомним, как характеризовал богословские науки с точки зрения их неизменности св. Феофан Затворник. Он утверждал: "...в учениях человеческих то и слава науке, когда она поновляется от времени до времени, и в повторяющихся поновлениях представляет движение к лучшему, совершеннейшему, к своему образцовому размеру и развитию. Там такая изменчивость, может быть, добрый признак, — по крайней мере, неизбежный удел. Не то в учении, главным образом преподаваемом здесь (имеются в виду богословские школы - прим. ред.) и нас характеризующем. Как учение Божественное, оно должно всегда пребывать единым и неизменным, как неизменен и вечен Сам Бог. И для нас было бы страшным обличением, если бы в своем прошедшем мы могли указать какие-нибудь изменения в учении, хотя бы под пышным титулом совершенствования и развития; а то, что оно и теперь неизменно таково же, каково оно было за пятьдесят лет, не укора, а одобрения достойно... — Прибавлениями, изменениями, развитием могут хвалиться другие общества христианские, отпадшие от единения с истинною Церковью Божиею"(30).

Св. Феофан говорит о невозможности прибавлений, каких-либо изменений в вероучении, в содержании спасительного благовестия, в содержании нашей веры. Он же, однако, говорит и о том, что в учениях человеческих, в науке необходимы поновления: "в учениях человеческих то и слава науке, когда она поновляется от времени до времени, и в повторяющихся поновлениях представляет движение к лучшему, совершеннейшему, к своему образцовому размеру и развитию". Что же такое богословские науки? Они суть учения человеческие. Да, они развиваются в рамках церковной системы образования, но они всего лишь человеческие смиренные попытки описать внутренний религиозный опыт, помочь человеку воспринимать Откровение в чистоте веры и доверия к Церкви, опираясь на огромный опыт Предания, т.е. в историческом, человеческом контексте. Церковь как Богочеловеческий организм имеет тело, земную историю, а потому и человеческие, то есть научные попытки донести этот опыт, это Предание до сознания максимально большего числа членов Церкви и в миссионерском служении до сознания тех, кто находится вне ограды Церкви.

И вот в этих науках, в этих способах миссии, в проповеди миру и в диалоге с миром и необходимы те поновления, о которых говорит великий святитель. Какие невероятные изменения произошли в общественно-политической жизни России только за прошедшие пятьдесят лет! Укрепление церковной жизни в послевоенное время после суровых гонений и новая страшная волна преследований на фоне политической либерализации; некоторое послабление, прекращение террора, но сохранение жесткого контроля со стороны государства; и, наконец, в последние годы - внешняя свобода, но жесточайшее внутреннее сопротивление в различных сферах. (Пожалуй, главная наша задача - преодоление болезней, унаследованных нами от периода внешних гонений, в качестве примера можно привести недуг идеологизации веры).

Даже слова самого святителя Феофана должны мы сегодня читать с поновлением и вспоминать их руководствуясь заповедью любви. Подобаает ли нам повторять такие, например, слова святого владыки буквально: "протестанты, непостоянные, как ветер, и неустойчивые, как волны моря, — с своей ложною и никогда не бывалою свободою совести и убеждений, в последних выводах своих дошедшие до всебожия и безбожия!"?

Сегодня каждому хотя бы отчасти знакомому с протестантизмом очевидно, что протестант протестанту рознь. Существует пропасть в понимании Церкви и таинств в различных протестантских исповеданиях. Тем не менее довольно часто (даже преподаватели духовных школ) называют протестантизм конфессией. Мы, православные, не можем не видеть огромной разницы в богословском наследии и еклесиологическом сознании

лютеран, кальвинистов, баптистов и представителей так называемых “свободных церквей”. Незнание протестантизма приводит к тому, что такие нехристианские общины, как свидетели Иеговы, мормоны и прочие секты квалифицируются зачастую как протестантские (не удивительно, что ошибаются светские религиоведы, социологи религии)(31) . Современный уровень сравнительного богословия обязывает нас не просто обновлять наши человеческие формулировки, но в корне менять их в тех случаях, когда они не соответствуют действительности. Мы не имеем права, как это делают некоторые не только богословствующие миряне без образования, но, увы, и некоторые священнослужители, называть еретическими те Церкви, таинства которых Православная Церковь всегда признавала и признает. Нам не следует, например, переиздавать антикатолическую обличительную литературу, которая не соответствует реальности, вводит людей в заблуждение и тем позорит нас самих (32). Мы не имеем права не знать, что принципиальные изменения в жизни католиков во всем мире благословил, богословски обосновал и утвердил Второй Ватиканский собор, значительно изменивший в лучшую сторону образ православия в сознании католиков и осуществивший ряд реформ именно в направлении православия. С нашей стороны весьма опрометчиво утверждать, как это делается в некоторых газетных выступлениях, что Второй Ватиканский собор разрушил церковную жизнь Римо-католической Церкви и привел ее к кризису. Тем самым мы встаем на “старобрядческую” позицию в католичестве (как последователи Лефевра, которые в своем антиэкуменизме считают нас схизматиками), и одновременно отказываемся от многих принципов русского православного миссионерства. Но самое главное, мы не учимся на чужих ошибках и, как правило, повторяем их. Необходим именно миссиологический анализ того, что происходит на Западе и на Востоке, а не высокомерная и презрительная констатация кризиса западной религиозной жизни, которую мы постоянно слышим от наших православных публицистов, узнавая в ней оценку западной жизни, неизменно присутствовавшую в советских газетах. Те же слова и та же идеологическая заданность, за которой нет настоящего анализа, убаюкивают нас и вселяют ложную убежденность в том, что мы сами в России не страдаем болезнями секуляризации и атеизма. Именно в духовных школах есть возможность организовать церковную науку и дискутировать на миссиологические темы. Отсутствие такого дискуссионного форума ощущается очень давно. Ранее существовали экуменические встречи, которые обязывали православных богословов искать православные ответы на животрепещущие вопросы. Но, к сожалению, многое из того, что на такого рода форумах было произнесено и чем православие может гордиться, так пока и остается неизвестным студентам богословия и уж тем более не известно прихожанам наших православных храмов.

Как помочь развитию миссионерски ориентированного богословского образования в России?

На основании сказанного еще раз подчеркну необходимость развития церковной науки, центрами которой должны стать духовные школы, до сих пор воспринимаемые многими как своего рода “ремесленные училища”, духовные ПТУ. Для этого, конечно, необходимы средства. Церковь, как сегодня думают многие, ими не располагает. Это абсурдное утверждение. Если Церковь в нашей стране, в нашем обществе жива не только в сердцах верующих, но и воплощена в общины, в епархии, значит, у нее есть потенциал заботиться о завтрашнем дне. Если у Церкви есть возможность содержать полторы сотни епископов, то это значит, что Церковь может найти соответствующие средства на содержание профессоров (33). Нужны определенные средства на поддержку исследовательских программ, на развитие

церковно-научных центров. Важно поддерживать научную деятельность хотя бы на минимальном уровне и особое внимание уделять проектам и темам, которые могут получить не только церковное, но и государственное финансирование или финансирование соответствующих научных фондов, в том числе и международных.

Дело, однако, не только в средствах, но и в престиже. Увы, богословское образование во многих епархиях не является очевидным преимуществом или ценностью. Поэтому очень многие студенты духовных школ воспринимают его лишь как средство получения права на рукоположение. Ничего кроме православного благочестия и знания богослужения не кажется им существенным. А уж наука, по их мнению, это что-то из протестантского лексикона. Конечно, прежде всего следует избавиться от магического представления относительно того, что таинство рукоположения во иерея или епископа является чудом, открывающим рукополагаемому догматические премудрости, которые он не сумел постичь на школьной скамье. Понятно, что вырасти богословски выпускник духовной школы может и занимаясь самообразованием, но здесь речь не о таких подвижниках.

Для того чтобы повысить престиж науки и образования, нужны не дополнительные материальные средства, но авторитетные слова священноначалия, некоторые оценки, а также практические административные шаги. Здесь не место предлагать конкретные шаги, важно понимать, что они необходимы. Реальные предложения можно было бы получить на практической консультации по этому вопросу, организованной рядом синодальных отделов в сотрудничестве с профессорами духовных школ.

Дело, конечно, не только в средствах и не только в решительных административных шагах архипастырей. Мы в России проходим сегодня особую фазу развития богословского сознания, вполне естественную в силу сложившейся истории. Чтобы хотя бы отчасти понять это, необходимо внимательно прочитать книгу прот. Г.Флоровского “Пути русского богословия”. Не каждый согласится с представленной там концепцией или отдельными выводами, но только на основе анализа развития богословской мысли в России за последние столетия можно оценить перспективы воцерковления общественного и индивидуального сознания в нашем обществе. Для этого необходим также тщательный анализ сегодняшних тенденций в богословии и в массовом сознании духовенства и мирян. По нашему мнению, этот анализ заставляет внимательно отнестись к тому историческому периоду, когда назревала Реформация. Сегодня, так же как и тогда, чрезвычайно распространены: магизм, представление о благочестии как о готовности верить в самые невероятные мифологические сюжеты, если они включают ту или иную духоносную личность давнего или недавнего прошлого, наблюдается всенародный интерес к блаженным и юродивым, переплетающийся с таким же активным доверием к различным колдунам и магам. Можно заметить, что как мирянам, так отчасти и духовенству не всегда ясны представления о святости, канонизации, почитании святых. Именно злоупотребления в этой сфере побуждали многих западных христиан в XVI в. поддержать Реформацию.

Эта тема – “угроза реформации” должна быть темой не только миссиологии, но и почти каждого предмета в семинарии и академии. Точно также миссионерская перспектива может и должна быть сегодня центральной в подходе к преподаванию каждого предмета в духовных школах и к богословскому образованию в целом.

Эта перспектива требует совместных усилий различных синодальных отделов: Миссионерского, Учебного комитета и Отдела по религиозному образованию и катехизации. Строго говоря, и другие Отделы имеют непосредственное к ней отношение.

Вот еще одна тема, размышление на которую может многое дать миссиологу. Дискутировавшаяся еще сто лет назад, она не потеряла своей актуальности на пороге третьего тысячелетия. На первый взгляд, тема эта может показаться несколько отвлеченной, частной, но приходится признать, что осознание обществом церковной проповеди, взаимоотношений Церкви и общества, политические формы отношений в значительной мере определяются наиболее рефлексивной частью общества - интеллигенцией. Если интеллигенция нецерковна, не исповедует христианские идеалы, чужда идее Церкви - общество не имеет будущего в христианском смысле. Апостольская проповедь, проповедь простых рыбаков воспитала, вырастила интеллигенцию Церкви (отцов Церкви), а через нее влияла и на просвещенную часть общества, и потому христианское общество стало возможным. Влияние это не всегда было прямым и очевидным. Тем не менее многие идеалы социального развития (например принцип свободы совести, идея равенства, братства и свободы) были продуктом воздействия христианской проповеди на интеллигенцию. Современное понимание жизни Церкви требует серьезных размышлений о месте и роли интеллигенции в современном обществе и об ее отношении к Церкви (как и Церкви к ней).

Искушения наукой и цивилизацией не прошли для общества бесследно. Хотя конфликт науки и религии в принципе преодолен, очень важно не забывать, что "мы вступаем в эпоху, когда уже ничто не будет происходить само собой, когда вера не устоит без ее осмысления, ибо, по слову Николая Кавасилы, "целый человек состоит из сознания и свободы"(34).

Свою важную миссионерскую роль сыграла культура, точнее религиозная основа этой культуры. Христианский, в основном православный, не только исторический, но и весь культурный фон, сам смысл достижений и плодов национальной культуры воздействуют на души и ум людей, приобщающихся к российской культуре.

Современная ситуация, новые возможности в обществе, огромный (в том числе и трагический) опыт открывают перед христианским сознанием новые горизонты. "Христианство и культура" становится одной из важнейших тем. В каждой христианской традиции, в каждом исповедании, конфессии может быть свой отклик, свое понимание этой темы. В православии это понимание также не однозначно. Проблема мракобесного отношения к культуре сегодня как в христианстве, так и в псевдохристианских группах обострилась. Такое отношение к культуре проявляется чаще всего в течениях фундаменталистского направления (о фундаментализме будет сказано ниже).

Миссия и культура

В течение многих десятилетий после 1917 г активная христианская миссия была запрещена, тем не менее Церковь осуществляла миссионерское воздействие на общество. Помимо классического объяснения, что православное богослужение богато темами и духовным содержанием, что уже само по себе является миссионерством, можно было бы вспомнить, что большинство интеллигентных людей, пришедших в храм в период государственного атеизма из нецерковных семей и не получивших специального церковного воспитания, обратились к Богу через христианскую проповедь, которую они расслышали в культуре. Это была не только древнерусская и житийная литература, не только иконы, древнерусская музыка, т.е. произведения культовые, но и поэзия "серебряного века", и проза XIX и XX веков: Лесков, Достоевский, Толстой, Пастернак, русская религиозно-философская публицистика начала века и многое другое (35).

Очень важную роль в возможности такого знакомства современников с дореволюционным наследием сыграл тот факт, что это наследие включало в себя плоды поисков обновления религиозной жизни в России. Кроме того, трагедия революции

заставила многих серьезно задуматься о смысле произошедшего с великой страной и культурой.

Успешность, эффективность миссионерской проповеди определяется тем, насколько хорошо миссионер владеет ситуацией, насколько точно он знает, к кому обращается, насколько глубоко по-христиански он понимает те темы, на которые говорит, насколько хорошо видит и осознает окружающую его реальность, насколько свободно владеет языком, слушающих (понятно, что речь идет не только о лингвистической стороне дела).

В последние несколько лет миллионы людей потянулись к Церкви как к новой надежде, как к воплощению истины. Многие из них искренне разделяли иллюзии коммунистической идеологии и, потеряв ее, лишились мировоззренческой опоры. Вполне понятно их ожидание того, что на все недоуменные вопросы ответит Церковь в лице священников и богословов, христианских политиков и ученых. В ситуации размывания нравственных критериев именно в христианской нравственной проповеди многие ожидают найти опору для личности и общества. В связи с этим задача миссионерства сегодня гораздо шире катихизической задачи и не может ограничиваться простым разъяснением основ христианства.

Среди наиболее актуальных тем, выходящих за рамки катихизиса, следует назвать такую тему, как “Церковь и национальная культура”, и иметь в виду аналогичные темы: этническая, социальная, молодежная и др. культуры.

Национальная культура в религиозном (христианском) и безрелигиозном видении.

Принципиально важно проанализировать соотношение религиозно-национального и безрелигиозно-национального в идее возрождения народа, культуры, государства России. В частности, практически невозможно провести четкую границу между патриотизмом и национализмом. Первое понятие в большинстве случаев рассматривается как положительное, второе - как отрицательное. Ключевой момент здесь, по-видимому, в альтернативе: религия или идеология. “Просвещенный патриотизм ориентируется на религиозные критерии, дурной национализм превращается в самодостаточную идеологию, приспособляемую к самым темным инстинктам... Это естественная реакция идеологизированного общества на возникающий идеологический вакуум путем попытки возвести в ранг идеологии еще не скомпрометированную и даже прежде гонимую идею национальной консолидации. Чтобы на этом построить идеологическую структуру, нужно объявить национальную идею сверхценностью, ради которой допустимо практически все. Эта идея неминуемо должна быть поставлена выше религии. Православие в этом случае оказывается ценностью лишь как национальное культурное достояние. Вместо покаяния начинают искать виновных в национальном унижении...”(36) .

Трудно в данном случае не согласиться с Ю.А.Шрейдером. Поскольку нация действительно в наибольшей степени определяется общностью культуры и судьбы, “только религиозный фундамент может защитить эту идею от превращения в идеологические схемы”(37) . Но религиозность идеи не является гарантией ее доброкачественности. Бывают и ложные религиозные, и псевдорелигиозные идеи.

Будущее православия в России, а с точки зрения верующих, это означает будущее России, в значительной мере зависит от того, в какой степени духовенство и миряне смогут реализовывать порывы свободного церковного православного творчества, будет ли это творчество ограждено от “полицейского” духовного надзора недуховных личностей, и от того, будут ли православные жить новой заповедью, заповедью любви Спасителя (Ин. 13: 34-35).

Миссия, религиозное образование и преподавание религии в государственных учебных заведениях.

Помимо духовных школ миссионерское внимание должно быть обращено на все формы религиозного образования. Только тогда можно надеяться на успех в деле христианского просвещения.

Христианское просвещение

На русском языке, в отличие от многих европейских языков, словосочетание “христианское просвещение” не звучит антиклерикально. Христианское просвещение укрепляет на пути спасения и в то же самое время способствует развитию общества, поскольку преодолевает обскурантизм, свидетельствует единство веры и знания, осуществляет служение Логосу, Свету разума. Есть основания полагать, что именно недостаток христианского просвещения породил пороки, приведшие к 1917 г. Отсутствие широкого подлинно христианского просвещения грозит подменой возрождения религиозной мысли и жизни в России псевдоклерикальной идеологией полицейско-монархического толка. XX век преодолел наивное противоречие веры и знания, науки и религии. Но в атеистическом обществе это не было осознано в полной мере. Одной из очень спорных, но тем не менее чрезвычайно актуальных тем является “Православие и гуманизм”.

Православие и гуманизм

Не для всех сегодня очевидно, что слово “Православие” может стоять в одном ряду со словом “Гуманизм”. Увы, для достаточно большого количества людей эти два понятия взаимоисключающие. В одном учебном заведении мне показали программу занятий по предмету “Религия в обществе”, которую предложил выпускник православных епархиальных катехизаторских курсов, имеющий высшее филологическое образование. Одной из первых в программе стояла тема “Гуманизм как сатанизм”, а об Иисусе Христе речь шла в семнадцатой теме. Конечно, это пример некоего псевдо-православного “максимализма-экстремизма”, но он, увы, не уникален.

Прежде чем оговорить, в каком смысле в нижеследующем тексте употребляется слово “гуманизм”, отмечу, что отрицательное отношение к этому понятию является сегодня неким характерным признаком целого направления, комплекса очень связанных друг с другом свойств, который можно назвать фундаментализмом. Это, как правило, некий набор позиций: антиэкуменизм, монархизм, поиски врагов (масонов, обновленцев, экуменистов, католиков, сионистов и пр.), слепой консерватизм (отрицание возможности каких-либо изменений и тем более реформ), обскурантизм (по-славянски еще точнее - мракобесие) и др.

Гуманизм долгое время было принято понимать как движение, стремившееся освободить жизнь духа от церковной опеки, разорвать цепи и ограничения, налагаемые церковным авторитетом на свободное развитие человеческой личности, и утвердить законность и ценность богато и ярко раскрывающихся интересов земной жизни в государстве, хозяйственной жизни, науке, искусстве против отрицательной их оценки в церковном аскетизме. Специфическим свойством гуманизма принято считать интерес к человеку вообще, к его судьбе в прошлом, к его назначению в настоящем и в будущем, к его силам и способностям, другими словами, ко всему человеческому, откуда, собственно, и произошло название гуманизма. Как справедливо замечает С.Л.Франк, “всякая религиозная тенденция утверждать безусловную трансцендентность Бога, Его совершенную инородность человеку таит в себе опасность равнодушия к человеческой личности - опасность бесчеловечности” (38). Идея Богочеловечества, без которой не существует христианства,

утверждена святоотеческой традицией, но на исходе средних веков она не была осознана, не была доминантой богословия и получила развитие подхваченная гуманистами. Она, "...незримо действуя на человеческую душу, как дрожжи, всквашивающие тесто, в течение 15 веков впервые в человеческой истории взрастила самосознание человека как личности. Она научила человека сознавать в самом себе некое высшее абсолютно ценное начало, в силу которого он противостоит миру как инстанция особого порядка и призван к творческому самоопределению и совершенствованию жизни. Она впервые воспитала в человеке то, что можно в широком общем смысле назвать гуманистическим сознанием" (39).

В европейских языках слово "гуманист" имеет множество значений. Так могут называть религиозного мыслителя, пытающегося обойтись без личного Бога; новатора-педагога, считающего, что мы уделяем слишком много внимания естественным наукам в ущерб гуманитарным; философа, утверждающего, что место человека в промежутке между миром животных и миром богов и т.д. Автор философского словаря "Сто суеверий" называет гуманизм самым распространенным сегодня предрассудком. "Господствует мнение, что можно быть кем угодно, но нельзя быть не гуманистом. В гуманизм веруют огромное число проповедников, политиков, философов, журналистов и т.п. (40) В таком понимании гуманизм только лишь превозношение человека, идолопоклонство... человек - это животное, испытывающее потребность в религии, а поскольку он не верит в Бога, то создает себе божка в образе Человека (с большой буквы), становится гуманистом"(41).

Такое представление о гуманизме встречается, увы, не редко. Как гуманистические симпатии вне христианства, так и антигуманистические в среде православных чаще всего обусловлены неведением, слабым знакомством с христианской антропологией, с христианским учением о назначении человека, с учением об обожении (теозисе), с учением о сотворении человека по образу Божию.

Обратимся к словам современного глубоко уважаемого в Православии архипастыря и духовного писателя. Владыка митрополит Антоний Сурожский призывает нас: "... мы должны поверить в человека верой такой же, какой мы верим в Бога, такой же абсолютной, решительной, страстной, и должны научиться прозревать в человеке образ Божий, святыню, которую мы призваны привести обратно к жизни и к славе, так же как реставратор призван вернуть к славе икону испорченную, затоптанную, простреленную, которую ему дают. Это начинается с нас самих, но это должно также быть обращено к другим; и к другим христианам, которых мы так легко судим, и к нашим самым близким, дорогим. И к инакомыслящим"(42) .

По мнению Жака Маритена, гуманизм существенным образом стремится сделать человека действительно более человеческим и показать его изначальное величие, содействуя его участию во всем (будь то природа или история), что может обогатить его: "...прежде всего он требует, чтобы человек развил заложенные в нем возможности и творческие потенции, укрепил жизнь разума, чтобы он трудился, превращая силы физического мира в инструменты собственной свободы"(43) .

По словам современного историка культуры, "гуманисты были сознательными бунтарями, причем во всех областях: в науке, в философии, в искусстве, в литературе. Они очень близки к нашему времени своим подчеркнутым бунтарством против их отцов, людей средневековья"(44) . Гуманисты бунтовали потому, что ощущали обычный, но всегда болезненно воспринимаемый чуткими сердцами и проницательными умами разрыв между идеалом и действительностью. "Идеалом оставалось христианство - единство, мир, сохранность, организованность, иерархическая структура общества. Реальность же состояла в непрерывных войнах, в упадке авторитета - даже на верхах, даже в рамках папства, которое

по своему замыслу должно было бы отражать благостное согласие самого Бога, - в бешеной борьбе за мирские блага и положение в обществе, в повсеместной смуте”(45) . В этой бунтарской тенденции можно усмотреть и антиклерикализм, и антиавторитаризм. Под клерикализмом не следует понимать просто уважение к церковной иерархии и церковность взглядов. Преодоление клерикализма может быть составной частью процесса воцерковления общества и привития ему “вкуса” Церкви, церковности в смысле осознания потребности в Церкви как духовном пространстве, где очевидным становится, Кто есть Путь, Истина и Жизнь.

Сегодня вполне оправдано употреблять словосочетание “христианский гуманизм” для обозначения такой установки, для которой характерны: желание согласовать действительность и идеал, стремление избежать клерикализма в общественной жизни и культуре, преодоление авторитаризма на всех уровнях, поддержка демократических процессов, противостояние обскурантизму и всяческое поощрение тяги к знаниям. Относительно стремления к знаниям, увлечения наукой можно вспомнить слова блаженной Эдит Штайн: “Кто ищет Истину, тот ищет Бога, независимо от того, сознает он это или нет”.

Можно говорить о гуманизме как культуре, в которой категория “творчество” играет существенную роль, точнее сказать, осознается как существенная. Здесь можно вспомнить Н.А.Бердяева, который считал, что гуманизм - это раскрытие резервов, “запирающихся” в предыдущую эпоху (46) .

Но и о гуманизме в классическом его понимании замечательный православный мыслитель Г.П. Федотов говорил с уважением: “Гуманизм не будет проклят весь до конца, потому что и он окрасил христианскую мысль и христианскую жизнь многих веков. Церковь обширный корабль, и может быть, на нем еще раз, как на заре средневековья, будет спасено во всеобщем потоке не только по семи пар чистых сpecies отходящей в вечность культуры” (47). Федотов упрекает католичество, утверждая, что культура, им возглавляемая, неизбежно приобретает авторитарный характер. “Умаление свободы есть умаление личного творчества, аскетическое ущербление духа. Для христианского сознания это означает и подлинную реакцию - возмездие за отступничество гуманизма”(48) .

Любопытно, что именно католичество преодолело сегодня соблазн отвержения гуманизма. Прежде всего, нужно иметь в виду Второй Ватиканский собор и последних римских Пап. В современном католическом богословии человек определяется своей ответственностью перед ближними и историей. “Чрезвычайно важно для духовной и нравственной зрелости рода человеческого, что во всем мире все более возрастает сознание автономности и, одновременно, ответственности. Это тем заметнее, если мы будем иметь перед глазами объединение мира и возложенную на нас задачу: в истине и справедливости построить мир. Таким образом, вы свидетели рождения нового гуманизма, в котором человек определяет себя прежде всего своей ответственностью в отношении своих братьев и истории”(49) .

Христианство есть религия свободы. Особый аспект христианского гуманизма - соблюдение прав человека, соблюдение права на свободу мысли, совести, вероисповедания. “Подлинная свобода, - говорит Папа Иоанн Павел II, - это основная черта человечности. Она источник, из которого вытекает человеческое достоинство. Она “особый знак божественного образа в человеке”(50) . Она предоставлена и дарована нам как особая миссия”(51) .

Православному сознанию очень близко понимание христианского гуманизма Маритэном: “Сотворенное существо должно быть подлинно уважаемо, поскольку оно связано с Богом и в силу того, что берет все у Него; таков этот гуманизм - теоцентрический, имеющий с человеком одни и те же корни, интегральный гуманизм, гуманизм

Воплощения”(52) . Н.А.Бердяев отмечал, что и Хомяков, и Вл. Соловьев могли бы быть названы христианскими гуманистами (53).

Острый процесс дегуманизации, который в XX в. ощущают многие, по-новому воспринимается сегодня в России, и это притом, что советская Россия не была страной восторжествовавшего гуманизма. Противостояние дегуманизации общества является лозунгом многих православных, даже фундаменталистски настроенных, смыкающихся с коммунистами, говорящими, правда, на другом языке.

Приведу лишь несколько перекликающихся друг с другом высказываний духовных и интеллектуальных авторитетов XX в.: “Уважение к другому, свобода духа, лучшие черты плюралистической демократии укоренены в евангельском откровении личности и в освобождающем различении, сделанном Иисусом между Царством Божиим и царством кесаря”(54) . Это слова блаженнейшего Игнатия IV, Патриарха Антиохийского. А более полувека назад Н.А.Бердяев отмечал:

“Мы живем в античеловечную эпоху. Гуманизм, а значит и достоинство человека, могут быть возрождены лишь из религиозной глубины. Современный человек имеет опыт, которого не имели люди Ренессанса, не имел еще Эразм, как не имел еще и средневековый человек, связанный в своем творчестве. И этот человек, полный тоски, идет или по пути разложения, или по пути обретения новой ценности, свободы и творчества”(55) .

Фундаментализм как соблазн, искушение

Употребление применительно к Православию такой категории, как “фундаментализм”, при описании и оценке проблем современной Церкви зачастую вызывает недоумение. Многие люди считают фундаментализм принципом Православия, строго и верно придерживающегося Священного Писания и Священного Предания. Как понятие “фундаментализм” имеет уже почти вековую историю, и ему следовало бы посвятить отдельное исследование, написать книгу. В рамках данной статьи приводится лишь несколько принципиально важных характеристик этого явления.

Термин фундаментализм широко и с тенденцией к инфляции употребляется сегодня в самых разных гуманитарных сферах: от религии до политики. Он восходит к появлению в США в период между 1910 и 1915 гг. серии из 12 брошюр "The Fundamentals: A Testimony to the Truth" (Основы: Свидетельство Истины). Начиная с 1920 г. этот термин используется для описания некоторых форм протестантизма в США. Позднее так стали называть аналогичные явления внутри ислама (в Египте, Иране, Ливане, а также в Европе), затем и в иудаизме, индуизме и даже в марксизме. Спустя некоторое время термин «фундаментализм» начали применять по отношению к воинственным фракциям внутри политических партий.

Есть основательные возражения для столь широкого употребления этого слова. Так, в исламе, по-видимому, можно было бы говорить просто об “исламском радикализме”. Для культурологического описания такого рода явлений в нехристианских религиях и культурах предлагается использовать термин “радикальный неотрадиционализм”.

На первый взгляд, фундаментализм – существенная характеристика Православия, если понимать этот термин в первоначальном смысле (вера в рождение Иисуса Христа от Девы, в телесное Воскресение Христа и в Его Божество, во Второе Пришествие соответствует принципам американского фундаментализма, поскольку естественна для православных). Однако сегодня под фундаментализмом принято понимать целый комплекс свойств, в основе своей имеющих буквалистское отношение к Священному тексту. Это тип ментальности и духовности, не признающий экзегетики и герменевтики, тип, которому чуждо смирение, ибо у тех, кто к нему принадлежит, никогда не возникает сомнения в собственных способностях

правильно понимать Священный текст (для православного человека принципиально важно учиться понимать текст в рамках церковной традиции, а не искать своего озарения).

Фундаментализм ревниво защищает традиционализм и противостоит модернизму и либерализму. Для него характерны: оппозиция науке, если ее выводы не сходятся с буквальным пониманием библейской картины Творения; глубокое убеждение, что любая нефундаменталистская позиция лишает человека надежды стать и быть настоящим христианином; тенденция решительно христианизировать политику (главным образом через утверждение моральных ценностей как абсолютных норм в обществе).

Как уже отмечалось, фундаментализм возник в протестантизме, но как феномен хорошо известен и в католической, и в православной среде. Везде можно встретить тип духовности, претендующий на право быть критерием Истины. Было бы опрометчиво считать фундаментализм неким синонимом консерватизму, традиционализму, ригоризму, интегризму. Сегодня можно говорить о фундаментализме как об особом феномене религиозной жизни, достаточно характерном и для Православия.

Внутри Православия на фоне исторически сложившегося творческого, открытого, свободного от псевдосхоластики и идеологических схем богословия имеет место ярко выраженный “буквалистский” подход к Священному тексту. Приверженцы такого подхода, среди которых есть люди с богословским образованием, как уже было сказано, недооценивают экзегетику и герменевтику, необходимость переводов Священного Писания на современные языки. Эта, казалось бы, чисто богословская установка практически всегда сопровождается строгим соблюдением правил - норм, декларированием бескомпромиссности (в византийско-богословском контексте утверждением “акривии” в противовес “икономии”). В аскетическом плане она оборачивается максимализмом, подчеркнуто националистической позицией (ультра-патриотической или, точнее сказать, демагогическо-патриотической, а порой и с ярко выраженным, но обычно скрываемым, антисемитизмом), а также закрытостью, антиэкуменизмом и триумфализмом. В отношении культуры ее проявления, как правило, нельзя охарактеризовать иначе, чем обскурантизм и мракобесие, а в социально-политическом плане наблюдается явная связь с монархизмом. Парадоксально, но лишь на первый взгляд, что не редки в этих кругах и симпатии к советско-коммунистической демагогии. С православной точки зрения, самым слабым местом в этой позиции является отсутствие любви, о которой говорит Сам Спаситель, той самой любви, которую Он заповедал ученикам, утвердил как новую заповедь (Ин. 13: 34).

Самыми характерными проявлениями православного фундаментализма являются: стремление найти и обезвредить врагов (в частности, главный враг для них - “обновленчество, неоновенчество”(56)); желание занять позицию государственной Церкви (это чаще всего не декларируется, скрывается); попытки оборвать все контакты с внешним миром, ввести цензуру на церковную публицистику, полностью игнорировать светскую культуру и т.д. и т.п. Даже если этот “фундаменталистский комплекс” целиком не всегда присутствует у тех или иных личностей, общая тенденция все же просматривается и это позволяет говорить о социально-психологическом феномене фундаментализма.

Названное противопоставление “фундаментализм - творчество” не является плодом именно нашей эпохи, реакцией на “экуменизм” или “обновленческое движение”. Такое же по своей сути противостояние было в 60-е годы прошлого века. На страницах российской периодики имела место жесткая и бурная дискуссия об отношении Православия к современности.

Успех в деле миссии возможен лишь при условии преодоления фундаментализма - в России он является главным препятствием для творческой проповеди православия. На

первый взгляд, именно фундаменталисты активны в проповеди, сохраняют традиционное благочестие, но, если присмотреться повнимательнее, станет очевидным, что вне творчества и личного выбора благочестие поверхностно и не затрагивает личность. Как правило, именно фундаментализм препятствует людям, находящимся за оградой Церкви, относиться с интересом и доверием к церковной проповеди, прислушиваться к принципиально другим идеям, вырабатывать толерантное отношение к непривычным ценностям. Само же христианство имеет открытый характер. Оно не навязывает своих убеждений, но призывает "имеющих очи видеть".

Преодоление фундаментализма отвечает интересам всего общества, поскольку способствует укреплению его единства, устранению недоверия, вражды, национализма, псевдопатриотизма и мракобесия. Это - задача творчества, задача со-работничества Богу.

Миссия и духовность

Особая тема миссиологии – “Миссия и духовность”. Лучшим православным свидетельством является воплощение христианских идеалов в жизнь. Это значительно более эффективно, чем провозглашение их на словах. Внимание к окружающим, забота, готовность выслушать и помочь, искренность, доброта, добросовестность, трудолюбие, чувство ответственности, надежность – все эти качества должны быть свойственны православным христианам. Христианские добродетели основаны не только на соблюдении ветхозаветных заповедей, но прежде всего на любви к ближнему. Любовь к Богу и Его Творению не абстрактное чувство, это особое состояние и мировоззрение, которое не может не проявляться социально. Не следует думать, что любовь к ближнему предполагает предательство ради него собственных убеждений, она лишь обязывает говорить с ним на понятном ему языке. Без этого невозможно завоевать внимание слушающего, вызвать уважение к себе и даже ответную любовь.

Обратимся к опыту святого старца Силуана Афонского. Как-то с одним из русских епископов, живших на Востоке, он обсуждал практические шаги миссионерской деятельности. Епископ был очень прям и даже фанатичен. Старец Силуан спросил его: как же вы стараетесь убедить, обратить в христианство окружающих вас людей? Тот ответил: я иду в буддийское капище и, обращаясь ко всем присутствующим, говорю им: то, что вы видите, все эти статуи - это идолы, это камни, это дерево, это ничто; бросьте, разбейте, поверьте в истинного Бога! Св. Силуан его спрашивает: а что с вами тогда случается? Миссионер отвечает: эти бесчувственные, безумные люди меня выкидывают из храма и бьют!... Тогда старец говорит ему: а знаете, что вы могли бы достичь лучших результатов, если бы вы пришли в их храм, посмотрели, с каким благоговением эти люди молятся, как они чтут свою веру, позвали бы нескольких из них посидеть на лестнице снаружи и сказали бы: расскажите мне о вашей вере... И каждый раз, когда то, что они говорят, давало бы к тому повод, вы могли бы им сказать: как прекрасно то, что вы только что сказали! Если бы только к этому прибавить вот такую-то мысль, как это бы расцвело в полную красоту!.. Так вы внесли бы в их мировоззрение то тут, то там ту или другую мысль из Евангелия или из веры православной. Вы их не обратили бы сразу, но вы бы обогатили их тем, что Христос принес на землю... (57)

Эти слова св. Силуана, так любимого и в России, и в греческом мире дают ключ к духовности миссионерства.

Сегодня при описании приемов вовлечения в ту или иную секту часто говорят о методе “бомбардировки любовью”. Человек, оказавшийся объектом сектантской проповеди, испытывает чувство радости и тепла от встречи, поскольку ни разу в жизни ему не

приходилось слышать в свой адрес такого количества добрых слов. Иногда повышенное внимание к человеку оказывается решающим для того, чтобы он остался в общине. Если бы мы, православные, воплощали в себе идеал христианской любви, были бы внимательны, добры и заботливы по отношению к окружающим, интерес к нашему свидетельству, к нашей личной позиции был бы огромен, а миссия эффективна. И наоборот, малейший пример несоответствия жизни провозглашаемым нормам и ценностям моментально подрывает доверие к услышанному. Как ни горько это признавать, многие из нас грешат таким несоответствием, что и является главным препятствием успеху миссии. Люди нецерковные с трудом воспринимают высокопарные слова, неохотно слушают наставления и моральные сентенции, но чутко реагируют на любое расхождение слов с делами, а особенно критично относятся к малейшим проявлениям лицемерия, ханжества и фарисейства. Люди церковные легче и мягче переживают подобные диссонансы, поскольку осознают собственную греховность и умеют прощать, но и для них важен тон проповеди, сочувствие и искренность пастыря.

Чтобы много не рассуждать о нашем несовершенстве, но в тоже время определить православные ценности в миссионерском видении реальной церковной жизни, достаточно процитировать слова Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II: “Нельзя не сказать о тлетворном влиянии “духа времени” на некоторую часть нашего духовенства, которая стремится подражать стилю жизни, так называемых, “новых русских” с религиозно-нравственной точки зрения. Ведь это не что иное, как греховное проявление эгоизма, самодовольства, сибаритства, тщеславия, вседозволенности, превосходства над другими ввиду своего богатства, нередко нажитого незаконным, преступным путем. Это – отсутствие скромности, кротости, воздержания и меры во всем. К сожалению, некая часть нашего столичного духовенства подпадает влиянию этого “красивого” стиля жизни... Во-первых, такой стиль комфортной жизни является, по существу, греховным, нехристианским, в связи с забвением Бога, служением мамоне, с нечувствием трагичности и временности земной жизни. Это, может быть, одно из самых ярких проявлений неоязычества. Во-вторых, подобная жизнь духовенства для обычных, рядовых прихожан, в подавляющем большинстве бедных людей, является соблазном и ассоциируется в их сознании с изменой бедности Христовой, с омирщением Церкви. Не потому ли некоторые прихожане и уходят из храмов и ищут себе места в различных сектах и новых религиозных течениях, где их встречают с пониманием и заботой? Надо иметь в виду, что происходит массовое перерождение сознания у простых, обедневших людей. Они видят, что реально не нужны никому, о них не заботится ни государство, ни общество, а теперь и Церковь показывает, что ей ближе богатые, а не бедные. И им трудно понять, что это не Церковь, которая была и остается любящей Матерью для всех, независимо от их материального положения, оставила их, а часть духовенства утратила Дух и силу Христовой любви и правды. В этой ситуации они должны по долгу совести принести всем извинения за такое лжепастырство. Имущественное неравенство существовало всегда, но “горе тому, через кого приходит соблазн малым сим” членам Церкви. Пусть конечная судьба Евангельского богача и притча о богатом и Лазаре послужит отрезвляющим напоминанием для таких священнослужителей. ...“Не будем тщеславиться, друг друга раздражать, друг другу завидовать... Ибо, кто почитает себя чем-нибудь, будучи ничто, тот обольщает сам себя... Ибо каждый понесет свое бремя” (Гал. 5:26; 6:35)...” Только если мы будем являть себя миру как настоящие христиане, не просто как православные, которые признаны таковыми той или иной газетой, но как христиане, живущие по вере и потому православные, только тогда есть надежда, что наш народ обратится ко Христу, а через то обновится и очистится вся его жизнь. Стиль жизни нам ясно указывает св. ап.

Павел: “Умоляю вас поступать достойно звания, в котором вы призваны, со всяким смиренномудрием и кротостью и долготерпением, снисходя друг ко другу любовью”. (Еф. 4: 1-3). А в крещении мы как раз и получили это достоинство, дар, благодать, которая позволяет и обязывает нас следовать словам апостола.

К теме духовность можно отнести и тему “ожидание Антихриста”. Не случайно сегодня часто цитируют Г.К.Честертон, который остроумно отмечал, что первые христиане ожидали второго Пришествия Господа, а нынешние ждут Антихриста. В миссиологическом плане интересно было бы объяснить психологические механизмы подобной мистики. Считается, что явления такого рода характерны для рубежа столетий, а мы сегодня надеемся перейти рубеж между тысячелетиями.

Православная экумена – православное единство

В последние годы очень много говорят об экуменизме, иногда резко отрицательно, часто неграмотно и несправедливо. Многихстораживает уже само слово “экумена”, имеющее, строго говоря, нейтральное значение; на русский язык оно переводится как “весь христианский мир”. В настоящей главе речь пойдет только о православной экумене.

Очевидно, что стремление к христианскому единству – это следование заповеди Спасителя “да будут все едино”. Христианский мир расколот, вследствие чего актуальность этого стремления не вызывает сомнений. Однако не всем сегодня очевидно, что актуально также стремление к православному единству.

Внешне это единство существует и выражается во взаимном признании и взаимном Причащении. Однако нельзя сказать, что Православные Поместные Церкви активно взаимодействуют (58). Слава Богу, имеют место встречи Предстоятелей Православных Церквей по чрезвычайно важным вопросам. Но возможно и необходимо расширение сотрудничества на уровне миссионерских проектов, в сфере богословского образования. То, что не под силу одной Церкви, реально осуществить объединенными усилиями. Любопытно отметить, что иногда именно неправославные экуменические структуры помогают осуществить межправославные контакты, провести богословские семинары.

Православное единство бывает ослаблено конфликтами, связанными с вопросами юрисдикции и канонических территорий. Несмотря на то, что конфликты эти, как правило, обусловлены национально-политическими факторами, их профилактика и преодоление может опираться только на внутреннее единство Православия.

Если говорить о самих Православных Церквях, то следует признать, что их внутреннее единство также бывает нарушено. Прежде всего, речь идет о расколах. Для Русской Православной Церкви принципиальны два раскола – Старообрядчество и Зарубежная Церковь. В отношении первого есть положительные тенденции, в частности снятие клятв. В отношении второго, как это ни странно, устранение политических причин раскола не привело пока к его ликвидации. Начатый в Германии диалог между Московским Патриархатом и Германской епархией Зарубежной Церкви приостановился.

Грех с точки зрения нравственности, раскол – это еще и огромная опасность в миссионерском плане, по существу, это разрушение Церкви. Можно понять, как возникали расколы по политическим мотивам в прошлом, но сегодня расколы, произошедшие по недогматическим вопросам, необъяснимы и непростительны. Феномен старообрядчества заставляет подходить к этой теме очень ответственно. Тем не менее подобное случается и в наши дни. Так, в Элладской церкви часть верующих не приняла переход на Григорианский календарь и уже более полувека находится в состоянии раскола с Матерью-Церковью, своей автокефальной Церковью, а значит и со всем вселенским Православием.

Плохое знание истории Церкви и Православного Предания объясняет тенденцию так называемых “ревнителей” Православия все подвести под известный им одним стандарт. Стремление к унификации приводит таких благочестивых ревнителей к поиску врагов, которых видят в каждом, не разделяющем их собственные вкусы. Забывают даже простую истину, что в древней Церкви существовали различные богословские школы, например Александрийская и Антиохийская, и точки зрения их представителей по ряду вопросов были противоположными. Сегодня лидеры обеих этих школ почитаются как отцы Церкви.

Очень опасны своего рода “судебные процессы”, проходящие под лозунгом “единство Церкви” и напоминающие советские процессы тридцатых годов. Ничего кроме соблазна паствы и закоснения богословской мысли они не приносят. Дискуссии необходимы, но не ради поиска врагов, а как поиск Истины. Единство не только не предполагает единообразия, но и вступает с ним в некий конфликт. Одинаковые детали конструктора вряд ли позволят что-нибудь создать. Не вообразимы и одинаковые члены живого организма. Нет никакой необходимости сводить различные традиции к одной, унифицировать их. Ошибочно и опасно, стремясь к единообразию в одной конфессиональной традиции, изобретать норму и канон там, где их никогда не было. Очень важно в миссионерской деятельности различать такие категории, как догмат, канон, правило, обычай, обряд, традиции быта. Как уже отмечалось, полезно помнить, что в Церкви всегда существовали два подхода: икономия и акривия, - и ни один из них не должен отрицать существование другого. Это помогает понять роль и необходимость компромиссов в жизни Церкви.

В стратегии и тактике миссионерства важно выделить ключевые проблемы, ключевые темы, по которым возникают разногласия, непонимание и конфликты, вплоть до расколов. Очевидно, что сегодня уврачевание расколов - одна из главных миссионерских задач. Однако преодоление расколов - это не поиск компромисса и, в то же самое время, не унифицирование церковной жизни.

Не хватает порой у нас единства и на уровне епархий, почти отсутствует межприходское сотрудничество. В миссионерских целях это было бы чрезвычайно полезно и эффективно. Вспомним слова Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II: “Современная жизнь требует новых подходов. Всем нам нужно трудиться не только в молитве и посте, но и в проповеди, и в устройстве всей полноты церковно-приходской жизни. Мы с трудом, но находим средства на реставрацию храмов и золочение иконостасов, теперь нужно находить их и на другие не менее важные виды церковной деятельности. Нужно объединяться. Что не сможет один приход, то смогут два-три. Отцам-благочинным нужно трудиться над тем, чтобы приходы были объединены не только административно, богослужебно, но и по совместным делам. И такой опыт в Москве есть и дает хорошие результаты” (59) .

Единство православного народа Божия.

Апостолат мирян

Единство православной экумены, Вселенского Православия – это также единство иерархии и мирян. Идея апостолата мирян не изобретение Второго Ватиканского собора, она не чужда Русской Православной Церкви, где и среди святых были миряне, и среди богословов и религиозных мыслителей миряне очень ярко выделяются успешностью своего церковного воздействия на секулярное мышление своих современников и представителей последующих поколений. Достаточно обратить внимание на деятелей русской культуры: философов, поэтов и писателей, публицистов и др.

В дореволюционной России был значительный положительный опыт существования братств и сестричеств, которые организовывали миссионерское и диаконическое служение

мирян. В первые годы советской власти, вплоть до своего уничтожения, многие братства служили опорой для верующих в новых страшных условиях гонений. После “перестройки” снова появилась возможность опереться на всевозможные организации мирян и свободно зарегистрировать их в качестве юридических лиц. И хотя в ряде случаев этим воспользовались люди со специфическими идеологическими или коммерческими целями, это не делает порочной саму идею братств. Успех деятельности братства во многом определяется тем, насколько тесно оно связано с жизнью прихода. Если в его основе - часть приходской общины, то не только духовное руководство священника, но и вся богослужебная жизнь укрепляет дух братства. При этом возможность существования братства, состоящего из прихожан различных приходов, никоим образом не исключается.

Именно братства или просто приходские кружки мирян могли бы организовывать совместные проекты, объединяющие два или несколько приходов. Речь идет о внутрицерковном сотрудничестве приходов, но также известны случаи межконфессионального партнерства приходов.

О роли мирян в деле управления Церковью говорят не только исторические свидетельства древней Церкви, но и материалы Поместного собора 1917/18 гг., на котором каждую из 65 епархий представляли, наряду с архиереем и двумя священнослужителями, по три мирянина, избранные на епархиальных съездах. Были миряне и среди представителей духовных школ, Думы и Государственного совета. Всего мирян было 299 из 564 делегатов Собора (при 80 архиереях, 149 пресвитерах и 15 псаломщиках) (60).

О единстве мирян и духовенства следует говорить прежде всего в рамках экклезиологии, в частности опираясь на работы проф.-прот. Николая Афанасьева. Более полувека назад он обращал внимание православных на то, что школьное богословие его времени уделяло вопросу единства мирян и духовенства недостаточное внимание и даже искажало Православное Предание, относясь с подозрением к учению о царственном священстве народа Божьего. “Вопреки школе церковная жизнь в догмате, в традиции и в своем литургическом сознании хранит истинное учение о Церкви и о народе Божьем. В Евхаристическом собрании под председательством епископа Церковь исповедует царственное священство своих членов и различие дела служения – многообразие благодатных даров, которые сам Бог разделяет каждому, как Ему угодно”. Отказ от царственного священства есть отвержение даров Духа... Церковь учит, что все в ней обладают полнотой благодати на пользу всех, а не учит о том, что каждый из нас получил дары Духа, чтобы их хранить бездейственными, как талант, закопанный в землю. В Церкви мы приняли “благодать на благодать” для жизни, действия и служения”(61). Роль мирян в деле религиозного воспитания, катихизации, социального служения осознается сегодня многими. Православная экклезиология (так как она излагается о. Николаем Афанасьевым) позволяет обратить наше внимание на служение мирян в области священнодействия, церковного управления и церковного учительства (62).

Нет необходимости подчеркивать, как важна активность мирян в деле миссии. Выше уже цитировались слова миссионера-подвижника отца Макария: “Если не можешь быть ловцом человеков, то лови рыбу для питания ловцов человеков” (63). Сошлюсь здесь и на его понимание апостольства Церкви: “Созерцая подобный небесам образ первой Церкви Христовой, начертанный в Книге Деяний Апостольских, мы видим, что она вся была Апостольской, что дружина действователей не ограничивалась ни числом двенадцати, ни числом семидесяти Апостолов, но возрастала с удивительной быстротою; что все верные или действовали непосредственно, как Апостолы, или содействовали и помогали Апостолам; что между тем, как Святой Пётр, скованный двумя цепями, находился в темнице, из которой

потом изведён чудотворною десницею Ангела, Церковь прилежно молилась о нём Богу; что все принимали живейшее участие в деле Иисуса Христа, которое было своим для каждого, и между тем, как одни приобретали Ему новых учеников, другие принимали на себя обязанность пеших о бедных между новыми братьями; что не только все вещественное было у верных общим, но и сердце одно, единого ищущее и единого любящее, и душа одна, исполненная одних чувствований и помышлений, одних склонностей и отвращений, одних радостей и печалей, происходивших от живого сознания во всех и каждом общего всем назначения. Как чада света, по самому свойству света, который неминуемо сообщает себя всему тому, в чём противления не находит или в чём побеждает противление, они светили Христовым светом своей окружности, находились ли среди братии и в церкви, назидая и утешая друг друга и меняясь друг с другом разными благотворениями, или действовали на внешних, или действителям служили. Но как Господь Иисус Христос во веки Един и Тот же и обещался не различаться со Своими до скончания века, то первая Церковь Его есть образец, которому Христианская Церковь должна подражать во всяком деле. И хотя внешние выражения, в которых открывается дух Евангелия, могут принимать изменения, но самый дух истинной Церкви Христовой всегда один и тот же — любовь к Богу и к человекам во Христе Иисусе. Чем изобильнее и явственнее сей дух чистой любви Божией в Христианской Церкви, тем более жизни и света Христова в сей Церкви. А чем более жизни и света Христова в Церкви, тем в ней более ревности, усердия и способности к распространению благодатного Царствия Божия на земле, тем в ней имя Церкви Апостольской плодоноснее” (64).

Последние годы в России можно заметить появление новой формы активности мирян - критику иерархии. Примечательно, что осуществляется она не по вопросам нравственности или политических симпатий, не в плане оценки тех или иных архипастырей как пастырей или организаторов, но представляет собой критику по догматическим вопросам, с обвинениями в неправославии, ереси и т.д. Особенно остро обсуждается тема “экуменизм”. Выглядит все это очень странно: и нецерковно, и ненаучно. Люди, не имеющие богословского образования, в большинстве своем неопиты (65), критикуют вероучительную позицию архиереев или профессоров богословия, которые не только сами получили специальное образование, но и отвечают за уровень и качество образования нынешних студентов-богословов. Оправдание для себя авторы критических материалов находят в одной из фраз Окружного послания Единой, Святой, Соборной и Апостольской Церкви ко всем православным христианам (1848 г.), приводя ее зачастую неточно, неверно. Ссылаясь на Послание, они утверждают: “Народ – хранитель чистоты вероучения”, понимая под народом себя и только себе приписывая право выносить суждение о догматической истине. В тексте же Послания мы читаем: “...у нас ни патриархи, ни Соборы никогда не могли ввести что-нибудь новое, потому что хранитель благочестия нас есть самое тело Церкви, т.е. самый народ, который всегда желает сохранить веру свою неизменною и согласною с верою отцев его...”(66). Во-первых, буквально употреблено здесь слово <...> (благочестие, обряд, почитание), а во вторых, речь идет о том, что все тело Церковное является критерием Истины, хранителем Истины (в данном случае благочестия), все тело, но не тот или иной редактор газеты или ее автор.

Единство мирян и духовенства предполагает определенное смирение мирян, качество, глубоко почитаемое в Православии. Смирение - это духовная ценность, которую следовало бы не только провозглашать, но и культивировать. Конечно, смирение предполагается также у духовенства и священноначалия, но ответственность за те или иные богословские суждения, как и послушание учительства, лежит прежде всего на них, а не на мирянах. По

благословию священноначалия миряне могут и должны проповедывать, активно участвовать в деле миссии, подчеркнем только, что именно по благословию.

Православная миссия как преодоление неоязычества и древних ересей в среде “новых религиозных движений”

Совершенно особый аспект миссиологии – это преодоление новой волны язычества, противостояние многочисленным проявлениям неоязычества. Методология преодоления неоязычества должна соответствовать духу христианской миссии и от этого во многом зависит эффективность противостояния новым религиозным движениям (67).

Проблема терминологии

Не существует строгого и единственно верного определения понятия “Новые религиозные движения”, как, впрочем, и таких понятий, как секта, культ. Разные школы и подходы руководствуются различными определениями. В России чаще говорят о сектах, в США предпочитают называть группы, о которых большей частью здесь идет речь, культурами. Есть группы, относительно которых возникает вопрос: а религиозны ли они вообще? Поскольку мы имеем дело не с математическими моделями, а с реальностью нашей жизни, которая не всегда укладывается в красивые схемы формальной систематизации, такая терминологическая неясность не должна быть камнем преткновения. Имеет смысл называть новыми также и религиозные движения, появившиеся до Второй мировой войны или даже в XIX веке (например свидетелей Иеговы, мормонов, бахаистов и др.). Эти группы достаточно новы по сравнению с двухтысячелетним христианством. Безусловно, нельзя рассматривать их как некий целостный феномен и тем более переносить обвинения, предъявляемые к одной из групп, на остальные, даже при существовании общих для них характеристик.

В России довольно употребителен термин “секты”, в православных духовных школах и сегодня преподается предмет “Сектоведение”. Ряд общин и направлений, выделившихся из протестантской традиции, когда-то было естественно называть сектами, предполагая, что их главной характеристикой является обособление от традиционного направления, осуждение его как ошибочного (заблуждающегося, еретического, неприемлемого) и провозглашение себя единственно верными Евангелию. В этом контексте и появилось слово “сектантская психология”. Сегодня же на Западе баптистские общины, например, нигде в научно-богословской литературе не называются сектами, но именуются “Свободными церквами”.

Такие понятия, как Церковь, конфессия, деноминация, секта, культ, ересь, раскол и пр. могут быть по-разному сформулированы в различных Церквах, деноминациях и в нерелигиозной среде. Однако в нашей культуре сложилось и некое общее понимание. Православный человек с трудом соглашается признать за группами, не ведущими свое происхождение от апостолов, право именовать себя Церковью. Это слово очень чутко улавливает православное ухо, настроенное на богословское понимание Церкви, т.е. настроенное экклезиологически. Признать в качестве единой, святой, соборной и апостольской Церкви неведомую религиозную группу или даже известную, но не следующую древнецерковному Преданию, невозможно. И в то же время у нас нет права запретить употребление этих слов, ибо слова многозначны. Само слово “Церковь” может использоваться и в догматическом смысле как Тело Христово, и в каноническом как “Поместная церковь”, и в смысле здания или прихода, и в смысле “домашней церкви”. Все это разнообразие смыслов можно найти в Новом Завете. Мы помним, что буквальное значение греческого слова “<...>” (которое на русский язык переводится словом Церковь) – “собрание”, поэтому не можем запрещать группе, далекой от православия, называть себя

“Церковью”. И когда православный автор утверждает, что название “Церковь” для какой-либо группы звучит кощунственно, это аргумент психологический, а не догматический. Необходимо показать, в чем учение этой группы принципиально отлично от учения Церкви Христовой. Но здесь сразу же возникает вопрос о современном узко конфессиональном и межконфессиональном понимании проблемы НРД.

Православное и общехристианское понимание проблемы НРД

Православный подход к НРД должен учитывать, что проблема НРД для Церкви - проблема не только для православных, но также и для католиков, англикан, лютеран, реформатов и представителей других христианских исповеданий. Не случайно на Западе этой проблемой занимаются давно. В большинстве западных Церквей в каждой епархии (или деканате) есть священник (он является одновременно и пастырем, и богословом), который занимается проблемой НРД и научно, и практически (причем зачастую не имеет других послушаний и полностью сосредоточен на этой теме). Проблематикой НРД занимаются кафедры на богословских факультетах, издается множество статей, книг и брошюр. Такой опыт чрезвычайно поучителен и знакомиться с ним нам необходимо. Оказывается, действительно есть общая христианская позиция по отношению к большинству НРД, а это значит, что есть возможность сотрудничества. Если же посмотреть на проблему более внимательно, то есть и насущная необходимость межконфессионального сотрудничества. Когда православный священник говорит людям, симпатизирующим какой-либо псевдохристианской группе, что считает ее нехристианской, то в ответ зачастую слышит: “Для вас, православных, и католики не христиане, и протестанты не христиане!”. Конечно, люди, говорящие это, не правы, они не изучали сравнительного богословия, но приходится признать, что подобное представление царит в сознании многих. В этой ситуации только совместный ответ православных, католиков и лютеран (по крайней мере, этих трех распространенных в России христианских конфессий) может быть воспринят как авторитетный общехристианский ответ.

Опыт других стран в сфере законодательства, опыт других Церквей в отношении преодоления влияния таких групп, как “Сайентология” (“Церковь Сайентологии”, “Центр Дианетики”), нам необходим, и обеспокоены деятельностью сайентологов далеко не только православные. Поэтому не следует ставить вопрос так, как это делают многие журналисты: “Свобода совести для всех или только для православных?”. Автор статьи с таким названием утверждает: “Православие не должно быть государственной религией, поэтому необходимо обеспечить полное равенство религиозных и псевдорелигиозных групп в обществе”(68). Во-первых, РПЦ не стремится быть государственной, и об этом официально и с полной определенностью неоднократно заявлял Святейший Алексей II, Патриарх Московский и всея Руси (69). Во-вторых, в ФРГ, например, сайентологией обеспокоены не только и не столько Церкви, сколько государство. Оно придерживается твердой позиции в отношении непризнания ее религией, а также считает полезным не допускать сайентологов в органы управления, руководство банками и т.п. Такая позиция даже вызвала протест многих граждан США и, на наш взгляд, совершенно необоснованно появились обвинения Германии в возвращении к тоталитаризму нацистского периода (70).

В связи с тем, что многие НРД распространены в США и организаторы подобных групп в России приехали именно оттуда, считается, что все они плод американизации Европы. Но позволим себе напомнить, что первые изданные в России книги против сект и культов появились у нас также из США (71), а пропагандировали их и читали на Радио “Теос” в Санкт-Петербурге не православные, но евангелисты.

Опыт межконфессионального сотрудничества уже есть, и он безусловно положительный. Существует Центр ИНФОРМ в Лондоне, “Диалог-Центр” в Орхусе (Дания), Центры в Оксфорде, Берлине. Все они открыты к межконфессиональному сотрудничеству и всячески его поддерживают. Невозможно себе представить какую-либо узкоконфессиональную область знания (например православную математику), и сегодня также невозможно утверждать христианские ценности в мире, противопоставляя себя как традицию, конфессию, Церковь другим христианским Церквам, следуя сектантской психологии единственности и безгрешности (72). Возможность обмениваться информацией о НРД (при наличии современных электронных средств связи, сети Интернет) - главное, но не единственное достоинство этого сотрудничества. Странно было бы для православных в одиночку решать проблему, которой обеспокоен весь мир. Это и не эффективно, и не по-христиански.

Есть в Православии и другая позиция - некоторые сегодняшние православные “миссионеры” очень многого ждут от Министерства внутренних дел. Важно, однако, знать, что священноначалие Русской Православной Церкви считает, что даже с теми Церквами, с которыми у нас есть определенные трудности в богословском диалоге, сотрудничество в сфере преодоления влияния НРД возможно и необходимо (73).

Успеху миссии, на наш взгляд, способствовало бы и преодоление некоторых опасных тенденций в антисектантской деятельности. Светское религиоведение декларировало служение “защите демократических ценностей”, оно утверждает и поддерживает права всех религиозных новообразований. Что касается Церкви, то у человека незнакомого с Русской Православной Церковью может сложиться ошибочное впечатление, что она не приемлет демократии в реальной жизни и понятие соборности для нее лишь отвлеченная идея. Такое впечатление усиливается, когда человек сталкивается с иным (по сравнению с позицией светского религиоведения) подходом к НРД в Церкви, с другим направлением.

Прямо противоположное первому, это направление окрепло на православной почве. Его суть сводится к требованию оградить традиционные религии (довольно часто имеется в виду только Православие) от каких-либо конкурентов, которые расцениваются не просто как еретики, но как активные враги и разрушители общества. Любая группа может быть квалифицирована как нечто, чреватое сатанизмом, ритуальными убийствами и пр. Такое направление нельзя назвать миссионерским, хотя оно претендует на такое название. Как бы нам, православным, ни хотелось оградить себя от воздействия инославия, иноверия, подделок под религию и вообще от влияния окружающего мира, который не являет собой рай на Земле, достигать этого непозволительно негодными средствами, обманом, “передергиваниями” или “преувеличениями”. Да и вообще вопрос заключается в том, стремимся ли мы отгородиться от мира, или же хотим принести в нашу жизнь проповедь любви. Здесь и тон важен, и стиль. На первый взгляд, если речь идет о духовно-нравственных средствах миссии, то миссия это всегда хорошо. Но каковы же эти средства в понимании архипастыря, утверждающего буквально следующее: “Против сектантов надо применять специальные духовно-нравственные средства точно так же, как мы применяем средства от моли, ржавчины и бацилл” (74)?

К сожалению, сегодня для многих энтузиастов антисектантского движения характерен ненаучный подход (неточности и передержки, неправомерные обобщения, дезинформирующие читателя, и пр.), “ревность не по разуму”, явная симпатия к силовым методам, в полемике акцент на сборе компрометирующих материалов и т.д. Особенно этим отличаются организации родителей, не имеющих должной подготовки, но исполненных

решимостью, одержимых желанием вернуть детей, ушедших из дома в НРД. Родительские чувства понять можно и нужно. Но иначе должны относиться к феномену НРД церковные богословы. Для них первым вопросом должен быть вопрос, почему члены НРД пришли не в Церковь, или почему они ушли из нее. Увы, довольно часто критика НРД строится на поиске компрометирующих материалов (неуплата налогов, безнравственное поведение членов или руководителей и т.п.). Этот принцип нам привычен, но не аргументы такого рода доказывают ложность учения (с точки зрения христианства). Если кто-либо указывает на моральное несовершенство отдельных православных мирян или даже клириков или иерархов, разве есть основания (кроме чисто эмоциональных) усомниться в истине Православия? Упрекать Православие в расколах, организованных Зарубежной Церковью или так называемой Свободной Российской Православной Церковью, приписывать пороки одной из раскольничьих общин всему Православию было бы не только ненаучно, но и безнравственно. Обвинение всех НРД в одинаковых грехах и несправедливо, и опрометчиво. Если представитель какой-либо секты добровольно расстался с жизнью, поступил греховно, совершил преступление или безнравственный поступок, мы не имеем права утверждать, что сделал это он вследствие своей принадлежности к данной группе (исключая те случаи, где определенные акции являются программными действиями сект, как, например, массовые самоубийства или террористические акты). Если нет объяснения или доказательства того, что преступление совершено именно потому, что так повлияла на человека секта, а не наоборот - человек, будучи психически болен или порочен, пришел в секту, которая не изменила его, у нас нет права связывать два этих факта. Или, если бы мы владели статистикой, согласно которой члены сект совершают преступления чаще, чем атеисты или православные, у нас было бы право оперировать такого рода аргументами.

Если православный человек нарушает правила уличного движения, вина в этом лежит не на Церкви. Церковь не виновата в том, что человек лжет, говорит не чистую правду или правду скрывает. Церковь не должна поощрять такой подход, но должна всячески подчеркивать свое уважение к праву так же, как к Церковному праву, которое в Православии (и не только в Православии) принципиально важно.

Конечно, дело не только в представителях НРД, которые вследствие неверного подхода бывают оскорблены. С миссионерской точки зрения, важно отметить, что светские ученые, политики, общественные деятели, честь и достоинство которых не задеваются в таких случаях, не будут подавать в суд за клевету или неточности, но могут отвернуться, причем не только от отдельного “апологета”, допустившего “перегибы”, но и от Церкви, поощряющей миссионерство такого рода. Все, кто под предлогом миссионерских задач, ради православного свидетельства разжигают межхристианскую рознь и вражду, выросли в период дефицита правового сознания (в истории России, правда, трудно назвать какой-либо иной период). Эти люди не чувствуют подлинно христианского призыва к утверждению свободы совести. Но как бы там ни было, у нас нет ни морального, ни юридического права культивировать вражду и устраивать обличительные кампании, причем не только против инославных, но и внутри самого Православия (75). Согласно статье 29 Конституции Российской Федерации “не допускается пропаганда или агитация, возбуждающие... религиозную ненависть и вражду. Запрещается пропаганда... религиозного превосходства”. Странно указывать на этот Закон христианам. Разве в Евангелии не открыта нам раз и навсегда заповедь любви? Как часто у нас критикуется западное христианство, но, видимо, средневековую болезнь, проявившуюся в институте инквизиции, нам еще предстоит преодолеть.

Православный миссиологический анализ НРД

Изучение НРД православными богословами и, в первую очередь миссиологами, предполагает анализ деятельности НРД, оценку и анализ причин их успеха или просчетов, критический взгляд на свои слабости, обуславливающие недостаточность миссионерской активности. Предлагаемый ниже весьма краткий анализ может быть полезен и православному верующему, и неправославному исследователю. Он показывает, что преодоление влияния НРД православными требует обстоятельного изучения ситуации, наблюдения динамики процесса и тщательного анализа взаимодействия множества факторов. О том, что такого рода подход есть подход миссионерский, обстоятельно и веско говорит Блаженнейший и Святейший Игнатий IV, Патриарх Антиохийский: «Среди самых насущных задач свидетельства... - быть внимательными к современному неоязычеству — не столько ради того, чтобы его проклинать, но чтобы его преодолевать через углубление нашей веры, по примеру св. Иустина (II век), различавшего во всем “семена Слова” (76). В другом разделе своего выступления перед православными студентами-богословами Патриарх Игнатий развивает свою мысль следующим образом: “Распространяющаяся сегодня новая “духовность” принимает чрезвычайно размытые формы — от оккультизма и магии до весьма тонких типов гностицизма — и начинает кристаллизоваться в мистическом движении, получившем название New Age. Эта духовность кажется антихристианской, но разве христианство, которому она себя противопоставляет, не является слишком часто выродившимся, не сводится ли оно к сентиментальному пиетизму и злобному морализму манихейского толка? (77)” Можно было бы процитировать и другие суждения авторитетного православного богослова и иерарха, но уже этого достаточно для того, чтобы подчеркнуть важность анализа православной церковной жизни, необходимость критического подхода к себе и решимости повысить свой духовный потенциал, обновить свою духовную жизнь.

Даже первичный и поверхностный анализ сложившейся ситуации, в Санкт-Петербурге например, приводит к следующим выводам:

а) Успех проповедников и “миссионеров” НРД прямо пропорционален недостатку активности и отсутствию энтузиазма (и прежде всего любви) у миссионеров традиционных Церквей, в частности православных. (Конечно, отсутствие миссионерской активности в течение 70 лет, невозможность иметь соответствующее учебное заведение или хотя бы кафедру миссиологии и т.п. объективные причины многое объясняют.)

б) Этот успех стал возможен в силу практически полной религиозной безграмотности общества. В церковной среде очевидно отсутствие активности в изучении мирянами Библии (это одно из обвинений, предъявляемых православным свидетелями Иеговы). А в светской среде - ни в школах, ни в ВУЗах - до сих пор нет полноценного знакомства с религией (есть попытки и в частных, и даже в государственных школах, но они не систематические и нуждаются в серьезной критике). Государственные учреждения, правительственные структуры и органы местного управления не имеют соответствующих специалистов, но тем не менее назначают чиновниками, ответственными за урегулирование взаимоотношений религиозных общин с государством, людей без какого-либо религиозного или церковно-исторического образования.

в) Отсутствие религиозного образования в обществе и отсутствие катихизации в необходимом объеме в приходах объясняет некоторое отчуждение потенциальных прихожан от традиционных Церквей, поскольку традиционные церковные культуры представляют собой особый мир, требующий знакомства с ним, понимания, постепенного вхождения, заботливого руководства этим вхождением.

г) Значительная доля успеха НРД обусловлена эффектом погружения новичка в мир особого тепла и заботы, в тесную общину, в "семью", в ту атмосферу, которой он, как правило, лишен (непонимание в родной семье; конфликт поколений и тяжелые жилищные условия; отсутствие общественных неформальных структур, за исключением, пожалуй, групп "фанатов" в поп-культуре; недостаток, а практически отсутствие таких церковных общин, где акцент делается на молодежные, подростковые, женские и др. группы). Появившиеся сегодня в РПЦ Братства - важный опыт в этом направлении, но здесь есть проблемы, требующие особого обсуждения.

д) Многие мотивы увлечения НРД совпадают для Востока и Запада. В частности, это жажда экзотики, неудовлетворенность реальной жизнью, неспособность найти в ней свое место и ожидание новых возможностей в новой культуре - своего рода эмиграция в экзотику.

е) Специфический для России мотив - это острая реакция на государственный идеологический материализм прошлых лет и бытовой мещанский материализм сегодняшнего дня. Уход от него зачастую спиритуалистичен (своего рода "монофизитство").

ж) Потребность приведения реальной церковной жизни в соответствие с идеалами веры, то, что называется стремлением к обновлению жизни, не всегда осознается как иерархией, так клириками и мирянами. Поиски путей к очищению от пороков и недостатков, самокритика и открытость к опыту других традиций часто рассматриваются как нововведения и потому не принимаются. В Русской Православной Церкви само понятие "обновление" вызывает ожесточенные споры.

з) В сознании некоторых далеких от Церкви людей Русская Православная Церковь дискредитирована обвинениями в сотрудничестве ее представителей с государственными силовыми структурами (КГБ). Эти демагогические обвинения использовали, например, лидеры секты "Богородичный центр" для подрыва доверия к Церкви.

и) Многие люди, не имевшие никакого религиозного воспитания, интуитивно принимают близко к сердцу идею единства христиан. Интеллигентные люди (имеются в виду не просто люди с высшим образованием), а также молодежь, как правило, внутренне склонны к толерантности. Разделение и тем более нагнетание напряжения между различными Церквями и традициями смущает и настораживает их. Многие попадают под обаяние мунистов с их "принципом унификации", бахаистов или кришнаитов, заявляющих о приемлемости для них любой религии, о своей "надконфессиональности".

к) Ряд парарелигиозных групп (типа сайентологии) привлекательны своим интересом к практическим вопросам психологии, социологии, телесному здоровью и прочим темам, которые в традиционной церковной среде не принято освещать с христианских позиций. Достижения науки в этих группах подаются как прозрения их лидеров и предполагается, что именно они (лидеры) обладают истинным знанием (вариант гностицизма). Для многих также привлекательны педагогические принципы и методики таких групп, как антропософы. Сегодня, когда в школах России идут поиски новых систем, некоторые НРД этим пользуются и находят поддержку руководителей государственного образования.

л) Успех новых религиозных движений должен беспокоить не только традиционные Церкви, но и общество, государство. Недостаток социально-политической активности в традиционных общинах оборачивается тем, что христианство в целом воспринимается неверно, а соответствующие новые религиозные движения ссылаются на неправильно истолкованные христианские идеалы (например монашество, аскетизм). Помочь понять это обществу - как каждому человеку, так и политическим лидерам - задача миссионерская, поскольку миссию Церкви следует понимать не политически, не как деятельность по вербовке новых членов, но как помощь каждому человеку в обретении духовного зрения, в

продвижении по пути духовного созревания, совершенствования. Этот духовный рост, верит Церковь, поможет услышать и принять Благоую весть, а значит, придти в Церковь. Но это уже результат миссии, который далеко не всегда достигается в краткие сроки.

м) Безусловно, существенны и экономические причины. Развал экономики привел к тому, что западные деньги, которые есть у многих НРД, открывают некоторые административные двери (хочется верить, что не все), позволяют арендовать залы, печатать соответствующую литературу, соблазнять новичков различными поездками, семинарами, бесплатным питанием и др.

н) Среди НРД особое место занимает неоязычество. В России, например, националистически ориентированное языческое движение существует достаточно давно. Сегодня появились самые причудливые его варианты как на религиозной, так и на псевдо-религиозной основе. В связи с этим тема “национальная культура”, уважение к ней и забота о ней приобретает дополнительное миссионерское значение.

о) Общая для Запада и Востока тема - "неогностицизм". Многие НРД попадают в эту категорию, но сюда же можно отнести и всякого рода целительство, астрологию. Иногда об этом говорят в терминах "отрицательной духовности" (сатанизм). Сюда же можно отнести различные виды колдовства, магии, мифологии НЛО и прочих популярных сегодня увлечений. Особого анализа требует феномен, получивший название “Нью Эйдж” (Новый век), поскольку этим именем принято называть самые различные движения, инициативы, группы, практики, психологические методики, т.е. не только группы, которые имеет смысл квалифицировать как НРД, но и чисто научно-практические (например психотерапевтические) группы, озабоченные телесным или душевным здоровьем.

Необходимые практические шаги, пожелания и рекомендации православному миссионеру

Приведенные выше тезисы побуждают сформулировать основные направления православной церковной деятельности в отношении преодоления влияния НРД на личность и общество:

а) Создание как исследовательских, так и образовательных структур (кафедр, отделений, институтов), занимающихся миссиологией (78).

б) Изучение культурологических (в том числе и культурно-национальных) тем, изучение проблемы инкультурации. Внимательная и критическая оценка националистической проповеди "богоизбранности" какого-либо (в нашем случае русского) народа.

в) Организация при создаваемых образовательных и исследовательских структурах аналитических групп или центров, которые могли бы осуществлять для руководства Церквей, государственных и общественных структур соответствующий анализ (социологический, социально-психологический, политический и проч.) актуальной религиозной, религиозно-общественной и церковно-политической жизни.

г) Развитие практических межконфессиональных инициатив, поскольку только в единстве христианства можно свидетельствовать, что многие НРД, связывающие себя с христианством, являются подделкой под христианство и противоречат ему.

д) Разработка для учебных заведений различного уровня учебных курсов типа "Религии. Традиции. Культура", в которых бы разрушались ложные стереотипы представлений о религиозной и церковной жизни, осуществлялось бы знакомство с христианским пониманием актуальных проблем, знакомство с важнейшими для данного региона религиозными традициями и Церквями.

е) Изучение других религий, причем не только получение общих сведений о них, но и знакомство с духовной жизнью, современными и древними образцами благочестия в этих религиозных традициях.

ж) Изучение темы "Обновление и традиция", выявление опасностей, подстерегающих Церковь на пути фундаментализма, слепого консерватизма и либерализма.

з) Обращение к проблемам реальной приходской общины, создание условий для ее активной жизни, поиск новых формы ее существования (не только богослужебных). Внимательное изучение положительного опыта Церкви в православной и инославных традициях (изучение опыта работы с молодежью, различных форм активности мирян, церковных движений, их деятельности, духовности).

и) Расширение миссионерства за пределы сферы катихизации. Активное христианское участие в культуре (науке, хозяйстве, устройстве социальной жизни, политике и пр.).

Христианское единство и сотрудничество в деле миссии

Хорошо известно, что около 150 лет назад в умах и сердцах миссионеров зародилась идея совместной миссии. Они осознали необходимость организационных форм движения к единству, из которого и выросли сегодняшние формы межцерковного сотрудничества. Если христиане давно привыкли к тому, что христианство расколото, и разделения стали для них чем-то естественным, то язычники, к которым была обращена проповедь, находили абсурдной ту ситуацию, когда миссионеры различных конфессий обращали не столько в христианство, сколько каждый в свою традицию. Это было камнем преткновения и как бы признаком неподлинности и неистинности христианской религии. Более полувека назад о. С.Булгаков обращал внимание европейской христианской общественности на то, что на миссионерской работе среди не христиан печально сказывается конфессионализм. "Каждое вероисповедание, утверждая свою истину, с тем большей силой отталкивается от всех других, неизбежно проникаясь духом ревнующего и воинствующего прозелитизма" (79).

Эти слова особенно актуальны в сегодняшней российской религиозно-общественной ситуации. Общество, в целом утерявшее свое христианское сознание, в значительной мере вернувшееся к языческим и магическим религиозным представлениям, готовое принимать любое суеверие и увлекаться псевдорелигиозной проповедью, религиозно и политически расколото.

И, к сожалению, для многих православных, как и для людей безрелигиозных, но патриотически настроенных, характерен неоправданный страх, своего рода "комплекс неполноценности", который проявляется в отказе от сотрудничества и диалога в ряде возможных совместных проектов с инославными христианами, таких, например, как межконфессиональные религиозные программы для светского среднего и высшего образования.

Возьмем еще один пример - тему "почитание святых". Обращение к опыту святых - реальная основа единства. Даже в период больших напряжений между Востоком и Западом отношение к святым, прославленным после разделения, всегда было почтительным и благоговейным. Максимилиан Кольбе и Эдит Штайн, митрополит Вениамин и оптинский старец Макарий - образы, которые близки каждому христианину. Я имею в виду не только тех, кто уже причислен к лику святых или блаженных. Немало есть подвижников благочестия, уважение и интерес к которым может объединить сегодня многих христиан (например, почитаемый в России немецкий католик доктор Гааз; его слова, надпись на его могильном памятнике: "спешите делать добро" - часто цитируют православные пастыри; другой пример - лютеранский пастор Дитер Бонхейффер, чья судьба и богословские

размышления заставляют задуматься о смысле жизни многих православных, католиков и людей, находящихся вне церковной ограды).

Как уже отмечалось в разделе о новом понимании миссии, наша главная задача - быть подлинными свидетелями того, что христианское понимание жизни помогает преодолеть кризисы и наполняет жизнь смыслом. Одним из таких необходимых сегодня свидетельств было бы свидетельство того, что мы, христиане, обладаем даром мира и единства. Разделения и расколы, вражда и неприязнь - вот вызов современному обществу. Сегодня очевидно, что любой серьезный национально-политический конфликт может привести к трагическим последствиям. Очень часто этот конфликт окрашивается в религиозные тона и еще более обостряется. Именно христиане должны явить нашему богатому конфликтами и враждой миру плоды своей духовности и свидетельствовать, что “Христос есть мир наш” (Еф. 2, 14). Служение единству - это миссионерское служение, христианское свидетельство, которого так жаждут люди повсюду, где есть конфликты и напряжения. Единство самой христианской миссии - острейшая потребность христианского мира перед лицом секуляризма, подделок под религию и непрекращающегося богоборчества.

Заслуживает особого внимания факт межконфессионального сотрудничества в деле диаконии, благотворительных проектов. Нельзя сказать, что сегодня в России этот опыт общеизвестен. Диакония – это особый аспект миссии, “внутренняя миссия” (именно так прежде называлась диакония в Германии, например). То, что всегда было глубоко присуще Православию в России, но в силу исторических обстоятельств оказалось почти полностью утерянным, сегодня восстанавливается и крепнет. В этом нам очень помогают наши инославные братья. Мы, православные, искренни и откровенны и потому не скрываем, что Русской Православной Церкви и централизованно, и по линии отдельных проектов за последние годы оказана значительная материальная помощь. Мы привыкли резко осуждать инославных, обвиняя их в неуважении к Православию, в актах прозелитизма, но не всегда открыто благодарим наших сестер и братьев во Христе за поистине христианскую жертвенность. Экуменические организации материально помогают православным приходам, школам, монастырям, которые даже не скрывают иногда своего неуважения к этим инославным братьям и сестрам. Потому, мне кажется, такая помощь - особый подвиг. Мне известны лишь некоторые факты и совсем неизвестны размеры помощи наших инославных братьев, но даже то, что я видел, заставляет выразить глубокую благодарность многим благотворительным организациям и тем самым признать как возможность, так и необходимость сотрудничества. Дар, который мы принимаем, не обязывает нас кривить душой. Для православных людей было бы более духовно не принимать эти дары в тех случаях, когда они не испытывают к дарителю братской любви и благодарности. Назову хотя бы некоторые помогавшие Русской Церкви организации, не ранжируя их по размерам помощи или по статусу: “Всемирный Совет Церквей”, “Вера во втором мире”, Евангелическо-Лютеранские Церкви Германии, “Датская церковная помощь”, Католическая епархия Тренто, “Помощь северных стран” и особо лютеране Финляндии, Епископальные церкви США, методисты, Национальный совет Церквей Кореи, епископалы и пресвитериане США, католическая организация “Церковь в нужде”, католическая организация “Реновабис”, немецкая диаконическая служба “Церкви помогают Церквам”, частные фонды и инициативы, например стипендия для православных миссионеров, организованная господином Ладендорфом из Гамбурга и др. Все вышеназванные диаконические организации и, полагаю, множество других организаций и общин вложили в эту помощь не только свой труд, свои деньги, но и свою любовь. К сожалению, очень редко в официальных выступлениях мы слышим о том, что эта помощь имела место. Исключение составляют

книги. Нередко можно видеть православную, миссионерски значимую книгу, изданную на средства протестантов или католиков, и издатели, как правило, указывают на факт финансовой помощи.

В Санкт-Петербурге в недрах духовных школ возник и теперь самостоятельно существует Христианский Межцерковный Дяконический Совет (ХМДС) - первая в городе, да и в стране официально государством и Церквями признанная межконфессиональная структура христианского сотрудничества и взаимодействия, в которой православные не просто участвуют, но и, пожалуй, наиболее активны. Уже многие православные (и не только православные) инициативы благодарны этому Совету.

Главная задача ХМДС – способствовать каждой Церкви в создании своих структур помощи нуждающимся, организовать верующих в поисках своего места служения и участия в делах милосердия. О том, что это тоже церковная миссия, можно много не говорить. Опять позволю себе сослаться на авторитет Предстоятеля нашей Церкви: “Наши верующие живут в этом сложном, противоречивом и во многом греховном мире, где чаще господствуют несправедливость, жестокость, обман, порок. Окруженные злом и пороком, они тем не менее должны оставаться по своим религиозным убеждениям, по нравственным качествам и образу жизни выше мира, памятуя, что подлинное наше отечество на Небе, и цель наша не временная земная жизнь, а Христос и Его вечное Царство истины и добра. В этой жизни мы воины Христовы, которые обязаны мужественно противостоять лжи и пороку, призваны никак не соучаствовать в беззакониях и “не прикасаться делом неплодным тьмы”. С другой стороны, если наша жизнь должна быть подражанием Пастыреначальнику Христу, то мы обязаны в этом мире, в этой жизни позаботиться об одежде и пище для нищих, о крове для бездомных, быть заступниками вдов, защитниками сирот и всех несправедливо обижаемых, наставниками духовно потерявшихся, утешителями для одиноких и отчаявшихся, милостивыми пастырями к кающимся грешникам, должны для всех, кто ищет и желает, с братской любовью открывать нетленную сокровищницу спасительной Христовой веры и животворящей Истины” (80).

Отрадно отметить, что в Санкт-Петербургских духовных школах уже в течение нескольких лет студенты знакомятся с самыми разнообразными формами дяконического служения и по мере сил участвуют в них (81).

Здесь упомянуты лишь некоторые из возможных направления и перспективы сотрудничества. Курс миссиологии предполагает обстоятельное их изучение. Хочется надеяться, что почва для такого изучения будет в скором времени более основательной (имеются в виду соответствующие научно-богословские структуры), а исследования и богословское осмысление упомянутой выше проблематики будут поддержаны достаточным количеством энтузиастов, обеспокоенных завтрашним днем Православия в России и в мире.

1. Перевод этой книги опубликован в настоящем сборнике.

2. Учрежденный Священным Синодом Русской Православной Церкви в 1995 г.

3. Например, Широков, Сергей, священник. Валаамский монастырь и американская православная миссия. М., 1996.

4. См, например, Пивоваров Б.И., прот. Научное описание фондов Алтайской Духовной миссии: Дисс. на соискание уч. степ. магистра богословия. М., 1989. Кн. 1-5. Материалы прот. Бориса Пивоварова частично опубликованы в журнале "Миссионерское обозрение" 1995-1998. См. также его доклад в наст. сб.

5. Например, многочисленные статьи архим. Августина (Никитина).

6. Glazik, Josef. Die Russisch-Orthodoxe Heidenmission seit Peter dem Grossen: Ein missionsgeschichtlicher Versuch nach russischen Quellen und Munster: Aschendorffsche Verlagsbuchhandlung, 1959.

7. Сегодня эта проблема глобальная. В Православии есть много противников экуменизма. Многие из них не замечают, что именно фундаменталисты очень успешно находят общий язык в различных Церквях и традициях и имеют свое "экуменическое движение", которое пока не так хорошо организовано, как критикуемое ими, но все же это "движение" существует как взаимная симпатия и поддержка, причем не всегда только моральная. Давно замечено, что фарисеи и книжники разных вероисповеданий и религий симпатизируют друг другу.

8. Словарь русского языка в 4-х томах. М.: "Русский язык", 1988. Т. 2. С. 277.

9. Полный православный богословский энциклопедический словарь. Т. 2. Изд-во Сойкина. Ст. 1572.

10. Конечно, это утверждение требует доказательств, но пока достаточно согласиться хотя бы с тем, что верующих в нашей стране не большинство. Сегодня необходимо сотрудничество церковных и светских социологов. Полезно вспомнить, что один из первых опытов изучения религиозности населения России относится к 1911 г. Автор этого исследования утверждал, что около 95% интеллигенции безрелигиозны. См.: Причины неверия.. // Странник. 1911. С. 672. Подробнее о состоянии религиозности в нашей стране см. ниже.

11. Полное собрание проповеднических трудов Преосвященного Макария (Невского), архиепископа Томского и Алтайского. Томск, 1910. С. 492. Цит. по: Пивоваров Б., прот. К изучению истории миссионерской деятельности... // Миссионерское обозрение. 1996. № 1 (3). С. 12.

12. Например, дискуссии в Германии о том, можно ли в классах государственных школ иметь Распятие Спасителя или можно ли мусульманским девушкам ходить в школу в платках.

13. Георгий (Ходр), митр. (Ливан). Христианство в плюралистическом мире. Домостроительство (икономия) Святого Духа// Вестник РХД. 1995. № 172. III. С. 34-35. Это перевод с фр. Есть перевод с англ. в кн.: Соборность. ББИ, 1998. Здесь цит. по нашей редакции перевода.

14. Варзанова Т.О. О религиозной ориентации молодых россиян// Русская мысль. 1998. № 4205. С. 18.

15. Данные взяты из выступления Святейшего Патриарха Алексия II на ежегодном московском епархиальном собрании в декабре 1998 г.

16. Конечно, для верующего человека богословие не только наука, оно - осмысление духовного пути, человеческого существования, окружающего мира и прославление Бога словом.

17. Флоренский П.А., Ельчанинов А.В. Православие// Флоренский П.А. Собрание сочинений: В 4 т. М., 1994 (Философское наследие. Т. 122) - Т. 1. С. 662. В марте 1933 г. в тюрьме в ходе следствия свящ. Павел Флоренский написал философско-политический трактат "Предполагаемое государственное устройство в будущем" (Литературная учеба, 1991. Кн. 3. С. 96-111), который должен был служить основой обвинения Флоренского в антигосударственной деятельности, но, как и все, что писал Флоренский, это текст был выражением его личного свободного творческого взгляда на реальную жизнь и перспективы советского общества. В нем он уже совсем по-другому видит характер взаимоотношений Церкви и государства.

18. Послание к Поликарпу. В кн.: Ранние Отцы Церкви. Брюссель, 1988. С. 141.

19. Так говорит об этой очень яркой личности Русского Православия XIX в. А. Карашев в статье: Православие в его отношении к историческому процессу// Православная мысль (Труды Православного богословского института в Париже. 1948. Вып. 6). С. 100.

20. СПб.: Изд. Странник, 1860.

21. Знаменский П.В., проф. Православие и современная жизнь. Poleмика 60-х годов об отношении православия к современной жизни. Изд. "Свободная совесть", 1906.

22. Семенов Тянь-Шаньский Д. Труд, творчество и свобода// Путь. 1937. № 52. С. 28.

23. В выражении "талмудизм" не следует видеть негативное безрелигиозное отношение к Талмуду, но скорее негативное отношение к выхолащиванию религиозного содержания.

Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. См. также Словарь русского языка. В 4-х т. М.: Русский язык, 1986. Консерватизм в этом словаре характеризуется как приверженность ко всему старому, отжившему.

24. Флоренский П. Понятие Церкви в Священном Писании// Собрание сочинений: В 4 т. М., 1994. Т. 1. С. 333.

25. Восторгов, Иоанн, прот. На пороге XX века. Силы обновления жизни// Полное собрание сочинений. В 5 т. Т. 1. М., 1914. С. 229-235.

26. Св. Феофан Затворник. О Православии с предостережениями от погрешений против него (Из слов к Тамбовской и Владимирской паствам, 1859-1869 гг.) Цит. по кн., переизданной в 1991 г. Издательским Отделом Московского патриархата. С. 4

27. Соч. цит. С. 54-57.

28. Богословский вестник. 1905. Т. XIV. № 3.

29. Богословский вестник. 1905. Т. XIV. № 3.

30. Св. Феофан Затворник. О Православии. С. 4.

31. Но в парламентском справочнике этого допускать все же не следовало.

32. К сожалению, даже в Свято-Даниловом монастыре, рядом с ОВЦС, еще совсем недавно люди покупали перепечатку Противо-католического катехизиса 1914 г., который можно охарактеризовать как безграмотный. Он не соответствует сегодняшней реальности. учению и практике Римо-Католической Церкви.

33. Насколько мне известно, их в РПЦ сегодня десятая часть от числа епископов, хотя это соотношение должно быть обратным.

34. Игнатий IV, Патриарх Антиохийский и всего Востока. Православие и современность: направления свидетельства// Русская мысль. 1997. 8 мая. Церковно-общественный вестник. № 15. С. 4.

35. См., в частности, доклад Высокопреосвященнейшего Кирилла Митрополита Смоленского и Калининградского, опубликованный в настоящем сборнике.

36. Шрейдер Ю.А. На развалинах культуры// Новый мир. 1991. № 8.

37. Там же.

38. Франк С. Реальность и человек. СПб: Изд-во РХГИ, 1997. С. 225.

39. Там же. С. 227

40. Бохенький Ю. Сто суеверий. М.: Прогресс, 1993. С. 37.

41. Там же. С. 42.

42. Антоний, Митрополит Сурожский. О встрече. СПб.: Сатис, 1994. С 103-104.

43. Маритен, Жак. Интегральный гуманизм// Философ в мире. М., Высшая школа, 1994. С. 53.

44. Бринтон, Крейн. Истоки современного мира. Roma: Edizioni AURORA, 1971. С. 23.

45. Там же. С. 22.

46. См. также сравнительную характеристику рассуждений о гуманизме Хайдеггера и Бердяева в ст.: Никитюк О.Е. Гуманизм// Вестник РХГИ, 1997. № 1. С. 189-192.
47. Carmen Saeculare// Федотов Г.П. Лицо России. УМСА Press, 1988. С. 216.
48. Там же.
49. Gaudium et Spes, 55. Пастырская конституция "Радость и надежда" о Церкви в современном мире. Tipografia Poliglotta Vaticana, 1967 С. 57-58. Христианский гуманизм нынешнего Папы Римского Иоанна Павла II обстоятельно разбирает Поль Пуппар в кн.: Церковь и культура. Милан-Москва: Христианская Россия, 1993. С. 239-253.
50. Gaudium et Spes, № 17.
51. Иоанн Павел II. Documentation Catholique. 7.01.79, 211.
52. Маритен, Жак. Интегральный гуманизм// Философ в мире. М., Высшая школа, 1994. С. 99.
53. Бердяев Н.А. Пути гуманизма// Истина и Откровение. СПб. Изд-во РХГИ, 1996. С. 185.
54. Игнатий IV, Патриарх Антиохийский и всего Востока. Православие и современность: направления свидетельства// Русская мысль. 1997. 8 мая. Церковно-общественный вестник. № 15. С. 4.
55. Бердяев Н.А. Пути гуманизма// Истина и Откровение. СПб. Изд-во РХГИ, 1996. С. 193.
56. См., например, сборник "Сети обновленного Православия", вышедший в Москве огромным по нашим временам тиражом - 10 тыс. экз. (Русский Вестник, 1995).
57. Рассказ этот приводится по кн.: Антоний, Митрополит Сурожский. О Встрече. СПб.: Сатис, 1994. С. 99. Его изложение заметно отличается от версии, приведенной в кн.: Огицкий Д.П., Козлов М., священник. Православие и западное христианство. М., 1994. С. 18. В этом различии есть достаточно оснований для миссиологических размышлений.
58. Заметное исключение - православное молодежное движение "Синдесмос"
59. Речь на московском епархиальном собрании в декабре 1998 г.
60. См. Поспеловский Д. Православная Церковь в истории Руси, России и СССР. М.: ББИ, 1996. С. 218.
61. Афанасьев Н., протопресвитер. Служение мирян в Церкви. М.: Изд. Свято-Филарентовской московской высшей православно-христианской школы, 1995. С. 24-25.
62. Там же. С. 7.
63. Полное собрание проповеднических трудов Преосвященного Макария Невского, архиепископа Томского и Алтайского. Томск, 1910. С. 492. Цит. по ст.: Пивоваров Б., прот. К изучению истории миссионерской деятельности./ Миссионерское обозрение. № 1 (3), 1996. С. 12.
64. Письма архимандрита Макария Глухарева, основателя Алтайской Миссии/ Под ред. К.В. Харламповича. Казань, 1905. С. 162-163.
65. Интересно, что в ветхозаветном Израиле неопиты не считались во всем истинными членами Израиля, а только их потомки. Видимо, психологический механизм "болезнь левизны" (в нашем случае "правизны") был тогда тоже хорошо известен.
66. Догматические послания православных иерархов XVII-XIX веков о православной вере. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1995. С. 233.
67. Этот параграф с некоторой корректурой и дополнениями в значительной мере воспроизводит наше предисловие к кн.: Баркер А. Новые религиозные движения. СПб.: Изд-во РХГИ, 1997.

68. Боген А. Свобода совести для всех или только для православных?// Час Пик. 1997. 26 марта. № 43 (772).
69. Святейший Патриарх заявлял об этом неоднократно. См., например, его ответы на вопросы редакции газеты "Православный Санкт-Петербург". 1997. № 3 (57). С. 1.
70. См., например, открытое письмо голливудских звезд канцлеру ФРГ Гельмуту Колю в International Herald Tribune. 9.01.1997. Р. 7.
71. Макдауэлл Д., Стюарт Д. Обманзики. М., 1993. Мартин У. Царство Культур. СПб, 1992.
72. На эту тему есть очень яркая статья-проповедь православного архипастыря Иоанна (Шаховского). Шаховской И. Сектантство в православии и православие в сектантстве// Христианос. 1996. № 5.
73. См. Коммюнике встречи делегации РПЦ и РКЦ в декабре 1996 г., KIPA-MELDUNG 22.12.96// Berniner Dialog. 1998. № 3. S. 29
74. Епископ Владивостокский Вениамин в газете "Русь Православная", приложение к "Советской России", цит. по: Кочетков Г., свящ. Церковь и государство в современной России// Континент. № 89. С. 227.
75. К сожалению, в последние годы появилось довольно много публикаций большевистского толка, в которых православные самозабвенно обличают "врагов православия" внутри самого Православия ("обновленцев", "экуменистов" и т.п.). Миряне без богословского образования и с недолгим пост-перестроичным опытом церковной жизни залихватски обличают епископов, с детства церковных, окончивших семинарию, академию, имеющих научно-богословские степени.
76. Игнатий IV, Патриарх Великий Антиохии и всего Востока. Православие и современность: направление свидетельства// Русская мысль. № 4173. Церковно-общественный вестник. № 15. С. 4.
77. Там же.
78. Отрадно, что Миссионерский Отдел при Священном Синодже развил активную деятельность и существует уже Миссионерская семинария в Белгороде. Очень важно теперь поддерживать дух православного миссионерства прошлых столетий, которым РПЦ может гордиться, дух уважения к национальной культуре, уважения и любви к человеку.
79. Булгаков С., прот. UNA SANCTA// Путь. 1938--1939. № 58. С. 9.
80. Из выступления Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II на Епархиальном собрании г. Москвы 23.12.98
81. Эта уникальна для Российских духовных школ программа разработана и успешно реализуется протод. Андреем Чижовым вместе с руководителями различных каритативных и диаконических проектов города. на встречи со студентами для знакомства с зарубежным опытом приглашаются как православные, так и работники соответствующих служб других Церквей.

Одноименная глава книги:
Православная миссия сегодня.
СПб.: "Апостольский город", 1999